

M 85
528

801-05
1945

НАРОДЫ РОССИИ.

1879

IV

КИРГИЗЫ.

Издание „ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Большая Подъячская, № 39.

1879.

1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Марта 1879 года.

96508-36

2007041747

НАРОДЫ РОССИИ.

КИРГИЗЫ.

Историческій очеркъ и народный характеръ.

Киргизы—это въ высшей степени любопытный и довольно многочисленный народъ, до сихъ поръ удержавшій патриархальный пастушескій бытъ номадовъ и сохранившій, почти въ первобытной чистотѣ, типическія черты «степняковъ - хищниковъ», или, по выраженію нашего простаго народа, «азіатовъ», игравшихъ такую важную роль въ судьбахъ древней Руси и имѣвшихъ безспорное вліяніе на складъ общественной и семейной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, бытъ и нравы кочевниковъ - киргизовъ представляютъ для русскаго глубокій интересъ, помимо того политическаго значенія, какое получило для Россіи въ послѣднее время вообще все населеніе средней Азіи.

Киргизы кочуютъ, со своими бибитками и стадами, по безпредѣльнымъ степямъ Средней Азіи, простирающимся отъ р. Урала и Каспійскаго моря до горъ Алтайскихъ, Алатау, и Тянь-Шаньскихъ или Небесныхъ, и отъ южныхъ границъ Западной Сибири до независимыхъ ханствъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-

Дарьи. Киргизскія степи занимаютъ болѣе 40,000 квадратныхъ мил. т. е. вчетверо превосходятъ пространство Франціи. Къ нимъ нужь, еще прибавить обширныя астраханскія степи, лежащія между Вогай и Каспійскимъ моремъ, гдѣ обитаетъ Внутренняя или Букеевская орда киргизовъ, водворившихся здѣсь въ 1772 году и вылившихся изъ сибирскихъ степей вслѣдствіе внутреннихъ смуть раздоровъ съ сосѣдными киргизскими племенами.

Всего киргизовъ насчитывается до 2,000,000 душъ.

Происхожденіе этого народа довольно темно. Едва ли можно изводить киргизовъ отъ какого-либо одного народа или племенъ только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніи. Смуты и войны могли разбрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи разноплеменныхъ, бездомныхъ скитальцевъ, бродившихъ съ своими стадами по глухимъ трущобамъ азіатскихъ горъ не подчиняясь никому и цѣлые вѣка не складываясь въ государствъ. Названіе киргизовъ лучше всего намекаетъ на первоначальное происхожденіе ихъ.

Имя «киргизъ» производятъ отъ соединенія двухъ словъ: *киргъ* — степной и *изгъ* — человекъ (степной человекъ). Но это названіе принадлежитъ собственно небольшому племени киргизовъ, кочующему въ Небесныхъ горахъ, въ долину р. Чу, такъ называемымъ «бурутамъ» или дикокаменнымъ киргизамъ. Частые набѣги этого отважнаго племени на сибирскую пограничную линію дали поводъ русскимъ ошибочно распространить названіе киргизовъ на всѣхъ кочевниковъ средне-азіатскихъ степей. Между тѣмъ большинство киргизовъ до сихъ поръ называетъ сами себя словомъ «казаки», что значитъ на монгольскомъ языкѣ: бродяга, свободный скиталецъ. Это имя искони принадлежало всѣмъ киргизамъ и, со временемъ, перешло и на русскій бездомный и бродячий людъ. Не только киргизы сами себя называютъ казаками, но и сосѣдніе съ ними народы, какъ на примѣръ — китайцы, бухарцы и другіе называютъ ихъ такъ же сло-

вами: хасакъ, кайсакъ и т. под., откуда и произошло болѣе вѣрное названіе киргизовъ — «киргизъ-кайсаки».

Въ началѣ XIII столѣтія изъ-за горъ Алатау показались не-смѣтныя монгольскія орды подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, разрушавшія все на своемъ пути и наводнившія вскорѣ всю арало-каспійскую низменность. Здѣсь монгольскій элементъ почти совершенно поглотилъ мѣстныхъ жителей. Однакоже, казаки, слившіеся съ монголами, не образовали изъ себя цѣльнаго новаго *народа*, а остались, по прежнему, разрозненными, независимыми племенами, сохраняя свой прежній бытъ и свои привычки. Этому много способствовалъ обычай монголовъ — не нарушать независимости покоренныхъ ими народовъ. Они дали только каждому киргизскому роду своего правителя, особое названіе и знакъ (тамгу), для отличія отъ другихъ родовъ.

Русскія лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о киргизахъ въ 1537 году.

Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на этотъ народъ. Онъ называлъ казацкую орду *«ключемъ и вратами ко всемъ азіатскимъ странамъ и землямъ»* и считалъ присоединеніе киргизовъ къ Россіи необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи, а чрезъ нее и въ Индіи. Съ этою цѣлью, Петръ Великій далъ порученіе бывшему въ персидскомъ походѣ старшему переводчику, изслѣдовавшему пути въ Индію, Тевкелеву, постараться, *«не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона»*, присоединить киргизовъ къ русскому подданству. Но за смертію Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи оставались забытыми до 1730 года, когда одинъ изъ хановъ киргизскихъ, тѣснимый сосѣдними джунгарами, калмыками, и особенно башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Послѣ переговоровъ, веденныхъ по этому поводу тѣмъ же Тевкелевымъ, значительная часть «казаковъ» признала свою зависимость отъ Россіи.

Съ того времени, многочисленные киргизскіе роды, побуждаемые внутренними смутами и раздорами, одинъ за другимъ, переходили въ русское подданство. Но вражда между ними, бунты и даже набѣги ихъ на русскія пограничныя линіи не прекращались до послѣдняго времени, чему въ особенности много способствовало враждебное Россіи вліяніе Хивы и другихъ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствъ, гдѣ бунтовщики - киргизы всегда находили убѣжище и радушный пріемъ. Хивинскіе муллы проникали съ торговыми караванами въ киргизскія степи и возбуждали кочевое населеніе во имя религіи и пророка противъ русскихъ. Эти муллы и хаджи распространили въ XVII столѣтіи мусульманство между всѣми киргизскими племенами. Впрочемъ, утвержденію исламизма въ киргизскихъ степяхъ не мало способствовало и само русское правительство, издавая, въ теченіи XVIII столѣтія, указы о постройкѣ мечетей въ киргизскихъ степяхъ и поставляя при нихъ указныхъ муллъ. Дѣлалось это конечно, съ благой цѣлью — содѣйствовать распространенію между киргизами мирной, осѣдлой жизни; но результаты оказывались при этомъ противоположнаго свойства.....

Киргизы раздѣляются на множество племенъ. Главнымъ образомъ они дѣлятся на три орды, изъ которыхъ каждая ведетъ свой родъ отъ особаго родоначальника — одного изъ трехъ сыновей монгольскаго правителя Алачъ-хана. На востокъ киргизскихъ степей, у сибирско-китайской границы кочуетъ такъ называемая Большая орда (Улу — юзь); между Ураломъ и Аральскимъ моремъ обитаетъ Малая орда (Качи — юзь), которая, въ сущности, есть самая большая. Между Малой и Большой ордой находится Средняя орда (Урта — юзь). Отъ этихъ трехъ киргизскихъ родовъ, называющихъ себя общимъ именемъ — «казаки», значительно развѣтвится собственно киргизское племя, кочующее со своими стадами въ Тяньшаньскихъ горахъ и извѣстное подъ названіемъ «кара-киргизовъ» (черныхъ киргизовъ), «бурутовъ» или дикокаменныхъ киргизовъ (по мѣсту жительства),

Внутренняя или Букеевская орда причисляется къ Малой ордѣ и также носить названіе «казаковъ».

Языкъ киргизовъ представляетъ нарѣчіе тюркотатарскаго языка, но съ значительной примѣсью монгольскаго элемента.

У киргизовъ довольно сильно развито чувство любви къ своему родному языку и, вообще, къ своей національности и исторіи. Киргизъ, даже хорошо знающій русскій языкъ, не будетъ говорить на судѣ по русски, а объясняется съ судьями непременно чрезъ переводчика.

Въ физическомъ отношеніи киргизовъ характеризуютъ: короткое тучное тѣло, широкое, плоское лицо, сильно выдавшіяся скулы, узкіе черные глаза, приплюснутый носъ, выдвинутый впередъ ротъ и короткая, рѣдкая бородка клиномъ. Волосы на головѣ брѣютъ, и на верхней губѣ выдергиваютъ особыми щипчиками, или подбриваютъ. Кожа самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная отъ смугложелтаго до чернаго цвѣта угля. Ноги у всѣхъ киргизовъ кривыя, какъ говорится, *колесомъ*; походка медленная, развалистая; вообще, по недостатку навыка, они неспособны къ пѣшей ходьбѣ.

За то киргизы неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать полъ-сутокъ и болѣе на перемѣнныхъ лошадяхъ. Киргизъ привыкаетъ къ верховой ѣздѣ съ самаго ранняго дѣтства. Онъ какъ-будто приростаетъ къ сѣдлу и разстается съ нимъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, входитъ въ галатку или сидитъ въ ней. Въ юрты онъ постоянно на сѣдлѣ. Нужно ли ему загнать отбившуюся отъ стада корову или овцу, побывать у сосѣда, или поговорить съ прохожимъ, — киргизъ выполняетъ все это, сидя въ сѣдлѣ. Онъ ѣдетъ верхомъ на лошади за 100—200 верстъ только для того, чтобы попить съ пріятелемъ кумыса. Ноги, кажется, совершенно излишнее для нихъ орудіе. Лошадь составляетъ какъ-бы часть ихъ организма. У киргизовъ и

пляски никакой не существуетъ, хотя до музыки и пѣнія они большіе охотники.

Въ мѣстности, гдѣ расположенъ киргизскій аулъ, вездѣ, на всемъ пространствѣ горизонта, вы увидите этихъ забавныхъ центавровъ, скачущихъ или мѣрно двигающихся впередъ и назадъ, высоко сидящихъ на спинахъ коренастыхъ лошадей. Подъѣхавъ ближе, различишь уродливую мѣховую шапку, коротко подобранныя въ стременахъ ноги и толстую, длинную нагайку, трясущуюся въ полусогнутыхъ рукахъ всадника съ монгольскимъ типомъ лица.... Удивительно тонкій слухъ и необыкновенная зоркость глазъ — отличительная черта киргиза. Онъ ясно видитъ и слышитъ на громадныхъ расстояніяхъ. Память у него превосходная! Малѣйшій знакъ на горизонтѣ, чуть замѣтная горка, ручей, камень, дерево, слѣдъ, — у него отпечатлѣвается въ головѣ какъ на географической картѣ. Онъ ѣдетъ по степи за сотни верстъ всегда кратчайшимъ путемъ, не боясь заблудиться.

Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ едва разберешь впечатлѣнія отъ 30-ти градусовъ мороза или отъ 30 градусной жары. Голодъ и жажду они выдерживаютъ долго, терпѣливо, безъ малѣйшихъ жалобъ, не выражая ничѣмъ своихъ мученій; но за то, дорвавшись до пищи, они ѣдятъ невѣроятно много, заѣдая кусками мяса такіе же куски жира и обратно.

Умъ у киргиза хитрый и лукавый; любопытства — не оберешься. Новости — страсть степного номада. Лѣтомъ ему нечего дѣлать и онъ ѣдетъ въ степь или, лучше сказать, гуляетъ по степи. На горизонтѣ чуть замѣтно обрисуется фигура всадника.... Киргизъ посмотритъ туда севозъ свои, косо-прорѣзанные, но невѣроятно зоркіе глаза, и если его неудовлетворитъ эта рекогносцировка, онъ поскочетъ по направленію къ всаднику... «На хабаръ?» — что новаго? спроситъ онъ у него, сдѣлавъ для того карьеромъ нѣсколько верстъ. Но онъ ѣхалъ не даромъ: встрѣченный киргизъ — такой же празд-

ный кочевникъ, какъ и его любопытный товарищъ—разскажетъ все, что видѣлъ особеннаго, и все, что слышалъ новаго. Узнавъ другъ у друга всѣ новости, киргизы скачутъ въ сосѣдніе аулы, съ безкорыстной цѣлю—разсказать все слышанное. Не пройдетъ и дня, какъ во всѣхъ сосѣднихъ аулахъ узнаютъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ или стахъ верстахъ оттуда проѣхало столько-то всадниковъ о дву-конѣ; узнаютъ съ фотографической точностью костюмъ всадниковъ, отличительные ихъ признаки; узнаютъ, что у рыжей кобылы разсѣчено ухо, а у другой лошади—бѣлая отмѣтина на правой ногѣ; узнаютъ тамъ же, изъ самаго достовѣрнаго источника, что проѣхавшіе всадники смотрѣли какъ-то странно, что это агенты хивинскаго хана, и что старый *Джеримъ-падишахъ*—«поль государя» боленъ, очень боленъ, теперь умираетъ, и чтобы не было какой бѣды отъ хановъ, имъ смиренныхъ... Подобно всѣмъ жителямъ далекаго востока, киргизы страстно любятъ болтать о политикѣ. Они, пожалуй, убьютъ на это цѣлый день, разнообразя лишь изрѣдка главную тему какимъ-нибудь дѣтскимъ разсказцемъ или простодушными сплетнями про своихъ султановъ и биевъ. Принимая гостя у себя въ юртѣ, киргизъ усаживаетъ его у чучала и начинаетъ разспрашивать самомалѣйшія подробности: кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, зачѣмъ, какая у него есть родня, что стоитъ лошадь, одежда, сбруя, оружіе, что слышалъ, кого встрѣтилъ? и т. д. и т. д., Бойкая рѣчь киргиза готова длиться два—три часа сряду. Слушать гостя сбѣгается иногда весь аулъ, и чѣмъ больше гость краснорѣчивъ, тѣмъ слушатели приходятъ въ большій восторгъ.

Вообще говоря, это народъ добрый, наивный и, въ тоже время, плутоватый, смѣлый—съ азіатами и проникнутый благоговѣйнымъ страхомъ къ русскимъ. Увидавъ русскаго, киргизъ становится пасмуренъ и неразговорчивъ, но, познакомившись съ нимъ поближе,

*) Такъ называютъ киргизы генерала Кауфмана.

онъ часто дѣлается его закадычнымъ пріятелемъ. Всѣхъ, кто изучалъ жизнь киргизовъ, вѣроятно, поражали ихъ превосходныя семейныя качества. Едва ли кто нибудь видѣлъ, чтобы киргизъ билъ свою жену или дѣтей. Особенно они нѣжны къ дѣтямъ. Поэтому столь прославленная склонность киргизовъ къ убійству и хищничеству едва-ли составляетъ ихъ врожденное качество: это, скорѣе случайный порокъ, обусловленный ихъ прежнимъ кочевымъ бытомъ. Но, какъ всѣ неразвитые народы, киргизы вспыльчивы; ссоры и драки между мужчинами повторяются очень часто, такъ что трудно встрѣтить хотя одного человѣка безъ знаковъ на лицѣ или головѣ полученныхъ въ какой нибудь стычкѣ.

Самая ужасная и господствующая изъ страстей киргизовъ — это мщеніе. Между ними никакая обида не можетъ быть заглажена иначе, какъ равною или большею обидою. Если обиженный умеръ, то право мщенія переходитъ къ сыну его и ближайшимъ родственникамъ, и пока родъ обиженного не истребится, обидчикъ не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Но и это, очевидно, есть легко-искоренимый порокъ — наслѣдство прежняго степнаго самосуда, порокъ, постепенно обращающійся теперь, со введеніемъ въ степи болѣе правильнаго суда, въ забавное сутяжничество.

Киргизы несомнѣнно храбры, только по своему, по степному. Они нападаютъ всегда неожиданно, врасплохъ, и при этомъ натискъ ихъ бываетъ стремителенъ: они несутся въ атаку съ гикомъ, воплемъ, дикими восклицаніями, и вдругъ вся эта буря, налетѣвъ на каре, при первомъ залпѣ разсыпается дождемъ во всѣ стороны, и если имъ не удалось овладѣть добычей съ перваго натиска, они уже не прибѣгаютъ къ новымъ попыткамъ.

Одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ киргизскихъ нравовъ составляетъ гостепріимство. Кто бы ни пріѣхалъ къ киргизу, по дѣлу-ли, или просто шатаясь праздно изъ аула въ аулъ, можетъ всегда рассчитывать найти у него самый радушный пріемъ. Всякій.

КИРГИЗЫ

ишущій гостепріимства, называетъ себя «джолаучи» (проѣзжающій) и имѣетъ право войти во всякую юрту. Слѣзая съ лошади и удерживая поводъ въ рукѣ, «джолаучи» садится сперва на землю, подлѣ двери юрты. Хозяинъ обязанъ выйти и попросить его къ себѣ въ кибитку. Если джолаучи пріѣхалъ ночью, то хозяйка обязана встать, развести огонь и накормить пріѣзжаго. Богатый киргизъ ставитъ нарочно для гостей отдѣльную кибитку и держитъ при ней особую прислугу. Принявъ гостя у себя въ юртѣ и предложивъ ему самое почетное мѣсто за чуваломъ, подлѣ сундуковъ, обвѣшанныхъ коврами или росписными кошмами, киргизъ усердно принимается угощать его. Онъ накладываетъ на ладонь своей лѣвой руки, до окончности четырехъ пальцевъ, кучку *бишъ-бармаку*, кусочковъ говядины съ саломъ, и пятымъ пальцемъ искусно вдвигаетъ ихъ въ разинутый ротъ гостя. Это знакъ особенной почести, какой удостоивается только почетный гость, отличаемый, обыкновенно, по внѣшнему виду, т. е. по платью. Гость, съ своей стороны, долженъ отплатить хозяину и всѣмъ присутствующимъ такою же любезностью и, въ знакъ особенной вѣжливости, посылаетъ иногда нѣсколько кусочковъ говядины женѣ киргиза, сидящей поодаль, за сундуками и мѣшками съ имуществомъ. Послѣ этого хозяинъ подаетъ гостю ковшъ съ кумысомъ; гость прихлебываетъ изъ него и передаетъ остатки хозяину—это тоже знакъ благовоспитанности со стороны гостя. Разспрашивать «джолаучи» о новостяхъ можно только накормивъ его; поэтому проѣзжій, насытившись, складываетъ руки и принимаетъ спокойную позу, показывая этимъ, что онъ сытъ и готовъ сообщить все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Киргизъ скорѣе самъ подвергнется опасности, нежели допустить ее до своихъ *кунаковъ* (гостей), кто-бы они ни были. Подъ защитою этого гостепріимства, наши промышленники могли и въ прежнее время вести торговля дѣла даже внутри степей. Сами киргизы, считывая на гостепріимство соплеменниковъ, отправляются въ са-

мую дальнюю дорогу безъ всякихъ запасовъ для себя и для лошади. Въ этомъ случаѣ они гарантированы строгимъ судомъ бѣа за всякое нарушеніе правилъ гостепріимства.

Киргизы вообще понятливы и воспріимчивы. При первомъ удобномъ случаѣ они скоро выучиваются русскому языку. Но наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ—пастушескій бытъ—составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ переходу ихъ къ осѣдлой, гражданской жизни.

Жизнь киргизовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, обусловливалась средствами ихъ существованія—скотомъ. Скотъ давалъ и даетъ имъ все: пищу, одежду, матеріаль для жилища и деньги. Понятно, слѣдовательно, что киргизъ привыкъ цѣнить свой скотъ наравнѣ съ жизнью, и что даже и мѣрою служить ему тотъ же скотъ (въ торговлѣ единицею цѣнности служить у нихъ баранъ, соотвѣтствующій одному рублю). «Маль джанъ аманлы?» *какъ состояніе скота и души?* обращаетъ киргизъ обычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу. И замѣчательно, скотъ у него поставленъ ранѣе души. Только получивъ удовлетворительный отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ, вопрошающій еще разъ спрашиваетъ: «бала аманъ ба?» *здорово-ли семейство?* Встрѣчаясь на дорогѣ, киргизы привѣтствуютъ другъ друга: «атъ лау аманъ-ба?» *хорошо-ли провожаешь лошадей?..* Скотъ вездѣ у нихъ на первомъ планѣ. Чье-либо богатство киргизъ опредѣляетъ числомъ лошадей или овецъ. «Большой человѣкъ, хорошій человѣкъ, много имѣетъ денегъ—тысяча лошадей будетъ!» говоритъ киргизъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *а* тамъ, гдѣ мы ставимъ *о*. Почему покупалъ *бязъ* (бумажная матерія) въ нынѣшнемъ году? спросите вы у киргиза. — «За барана давалъ зимою купецъ штука (т. е. бязи)».

Понятно, что киргизъ, обязанный многимъ въ своемъ существованіи скоту, и дорожающій имъ выше всего, подчиняетъ всѣ условія своей жизни соображеніямъ о прокормленіи и размноженіи своихъ

стадъ. Потребность находить для нихъ кормъ заставляетъ киргиза *кочевать*.

По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ оказывается, что для такого огромнаго количества скота, какое необходимо киргизамъ въ ихъ быту, не нашлось-бы подходящихъ пастбищъ и не хватило-бы ни чьихъ рувъ для заготовленія сѣна, чтобы продержатъ весь этотъ скотъ на готовомъ корму цѣлый годъ, или даже одну только зиму! Каждый мало-мальски зажиточный киргизъ, живущій только «безъ нужды», держитъ нѣсколько сотенъ головъ крупнаго и мелкаго скота, а самые богатые считаютъ свой скотъ не головами, а *стадами*, *косяками* и *табунами*! Понятно, что такія стада въ состояніи вытравить въ нѣсколько дней самое тучное и обширное пастбище, а удержатъ ихъ на болѣе или менѣе долгое время на одномъ мѣстѣ — значитъ обречь ихъ на вѣрный голодъ и вымирание. Если-же присоединить къ этому многочисленность киргизскихъ семействъ, то будетъ совершенно понятно, почему этимъ кочевникамъ необходимо приволье, обширныя, пространныя степи.

Что-же касается до природы той мѣстности, которую занимаетъ изстари киргизское племя, то характеръ ея тоже неминуемо приводитъ скотовода къ кочевому образу жизни.

За недавно упраздненной, сибирско-оренбургскою пограничною линіею, «широко пораскинулась» настоящая, безграничная, киргизская степь. Ровно, непривѣтливо, однообразно идетъ она къ югу, на многія сотни верстъ, лишенная, лѣтомъ, отъ палящихъ 40-градусныхъ жаровъ, почти всякой растительности, и окованная, въ продолженіи долгой зимы, 30-градусными морозами.

Изрѣдка только встрѣтится въ степи такой ручей, въ омутѣхъ котораго вода держится даже лѣтомъ, — и куда какъ ярка покажется зелень вокругъ его, по сравненію съ бурюю, высохшею травою степи. Только тутъ и можно встрѣтить людей и животныхъ. Здѣсь мѣстность оглашается криками и говоромъ, а за предѣлами

ея, гдѣ солнце жгло и убило растенія, лежитъ пустыня, тихая, безмолвная, едва обитаемая низшими животными. Въ центральныхъ-же частяхъ степи вся почва состоитъ изъ песку или красной глины, пропитанной солью.

Только на востокъ и юго-востокъ киргизская степь упирается въ высокіе горные хребты: Тарабагатайскій и Алатау, увѣячанные вѣчными снѣгами и изрѣзанные роскошѣйшими долинами и склонами. Понятно, что киргизы, кочующіе близъ этихъ горъ, высоко цѣнятъ горныя долины, какъ отличныя мѣста для кочевоекъ. Но и этихъ роскошѣйшихъ пастбищъ слишкомъ мало для громадныхъ стадъ киргизскаго народа, да и мѣста эти, по высотѣ ихъ положенія, далеко не всегда бываютъ доступны для кочевоекъ, такъ какъ глубокіе снѣга и страшные морозы царствуютъ здѣсь въ продолженіи всей зимы.

Вышеупомянутая измѣнчивость и непостоянство степной природы и разбросанность на огромныхъ разстояніяхъ удобныхъ для пастбищъ мѣстъ, невольно заставляютъ киргиза-скотовода, даже владѣющаго незначительнымъ количествомъ скота, переходить съ нимъ въ теченіи года съ мѣста на мѣсто.

Но не нужно думать, чтобы кочевникъ-киргизъ вполне и слѣпо подчинялся окружающей его природѣ. Напротивъ, онъ пользуется ею по извѣстному, обдуманному плану, съ глубокимъ и вѣрнымъ расчетомъ, по выработанной многими поколѣніями системѣ. «Дерево стоитъ на одномъ мѣстѣ и питается тѣмъ, что вокругъ его находится, а вольная птица летитъ туда, гдѣ ей лучше», говорить киргизская пословица.

Прежде всего киргизу необходимо для его многочисленныхъ стадъ выбрать «зимовеу» — *кзеу*. Выборъ зимовки требуетъ большаго знанія. «Кзеу» должна заключать въ себѣ мѣстность луговую и степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солью, солонцеватую траву, а лошади и коровы любятъ чернотравіе; при этомъ, нужно еще наблюдать, чтобы зимовка не могла быть за-

носима слишкомъ глубокимъ снѣгомъ, или покрываема гололедицею, такъ какъ скотъ, въ этомъ случаѣ, не въ состояніи будетъ добывать себѣ подножный кормъ; съ этою цѣлью киргизъ выбираетъ мѣстность покатую къ сторонѣ господствующихъ вѣтровъ, которые сдували-бы излишній снѣгъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что скотъ у киргизовъ, подобно имъ самимъ, какъ нельзя болѣе *при-
натуренъ* къ степи; дикій пылъ, неустрашимость и невѣроятная выносливость — составляютъ отличительныя качества ихъ лошадей, верблюдовъ, воловъ и барановъ. Пользуясь этимъ, киргизъ иногда ловко обходится съ зимовкою, хотя-бы она и не удовлетворяла всѣмъ требованіямъ настояще «кзеу»; онъ на одно и то-же пастбище пускаетъ сперва лошадей, которые срываютъ верхушку травы; потомъ ходитъ здѣсь рогатый скотъ, который довольствуется серединою растений, затѣмъ тутъ-же пасутся бараны, съѣдающіе остатки травъ.

Какъ только весеннее солнце сгонитъ снѣга, киргизъ поднимаетъ свою юрту, «ломаетъ» ее, навьючиваетъ со всѣмъ имуществомъ на верблюдовъ, и, въ сопровожденіи чадъ и домочадцевъ, начинаетъ *кочевать*, т. е. отыскивать мѣста для корма скота или «лѣтовки». Придя на какое-либо мѣсто, онъ занимаетъ его до тѣхъ поръ, пока окрестная трава не будетъ вытравлена скотомъ. Подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ, всегда по дугообразной линіи, для того, чтобы не пришлось послѣ идти по вытравленной дорогѣ, киргизъ къ зимѣ ворочается другими путями назадъ, къ «зимовкѣ».

Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножнаго корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Богатые киргизы въ теченіи года дѣлаютъ со своими стадами болѣе 2,000 верстъ! Но чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтовокъ будутъ менѣе. Тѣ-же киргизы, которыхъ имущество состоитъ всего изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые *джетаки*, «лежащіе», остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Киргизскія семьи никогда не кочуютъ одиноко, а всегда цѣлыми родами. При патріархальномъ складѣ жизни, киргизы помнятъ самое дальнее родство, и считаютъ близкимъ челоѣкомъ каждаго, кто, по степной, очень сложной и подробной генеалогіи, происходитъ отъ одного съ ними родоначальника. Родственные узы, сплочивая многочисленные роды въ одно цѣлое, даютъ имъ средства охраняться общими силами противъ грабежей и отгоновъ скота со стороны сосѣдей (баранта). Съ другой стороны, необходимость не группироваться на одномъ мѣстѣ, чтобы не вытравливать кормъ для скота, заставляетъ кочующіе аулы одного и того-же рода раздвигаться настолько широко, насколько это нужно для стада. Такимъ образомъ, киргизскій родъ, начавшій кочевать, двигается по степи широкою линіею, которая раздвигается или укорачивается, смотря по обилію подножнаго корма.

Теперь въ степи установилось неписанное, но признаваемое всѣми кочевниками право извѣстныхъ родовъ на опредѣленные зимовки и на опредѣленное направленіе лѣтнихъ кочеваній. Но въ прежнее время, въ особенности за обладаніе хорошею зимовкою, происходили кровопролитныя стычки между разными родами.

«Зимовки» избираются киргизами преимущественно въ степяхъ. Раннюю весну и позднюю осень, т. е. самое дождливое время года, они проводятъ также въ степи. Лѣтомъ-же они, обыкновенно, стоятъ лагеремъ въ горахъ, и тутъ, во время самыхъ сильныхъ жаровъ, поднимаются иногда до уровня снѣговой линіи.

Кочевой бытъ киргизовъ, какъ и всякій другой патріархальный бытъ, лишенный высшаго государственнаго или общественнаго строя, держится *родовымъ бытомъ*, въ которомъ слабое, неразвитое племя полудикарей находитъ для себя твердую опору и почерпаетъ иногда неистощимую силу и живучесть. Чтобы понять, что такое киргизскій *родъ* и что значитъ для кочевника *родовая община*, необходимо привести здѣсь нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ ея.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что киргизы дѣлятъ себя на два сословія: *акъ-сіюкъ*—«бѣлая кость», и *кара-сіюкъ*—«черная кость». «Бѣлою костью» величаютъ себя султаны и манапы, т. е. начальники киргизскихъ волостей и предводители родовъ, производящіе себя отъ потомковъ великаго завоевателя, Чингисъ-хана. «Черною костью» именуется остальной киргизскій людъ, т. е. черны, неимѣющая ясныхъ доказательствъ своего прямаго происхожденія отъ великаго завоевателя.

У киргизовъ раздѣляются на роды или образуютъ родовыя группы собственно только «бѣлая кость», султаны (у казаковъ) и манапы (у кара-киргизовъ). Народъ-же, «черная кость», только принимаетъ на себя родовое названіе того манапа или султана, подъ покровительствомъ котораго онъ находится или чью власть признаетъ. Случается, что отдѣльныя семейства переходятъ отъ одного манапа къ другому, и въ этомъ случаѣ они мѣняютъ названіе своего рода. Но такіе случаи, нужно замѣтить, бываютъ очень рѣдки, такъ какъ киргизы крѣпко держатся своего рода; даже илѣнные киргизы сохраняютъ названіе своего рода, который часто замѣняетъ для нихъ собственное имя.

Начальникомъ рода (союза дальнихъ родственниковъ) служитъ султанъ или манапъ, званіе котораго получается по праву рожденія.

Прочность родового союза основывается прежде всего на общности экономическихъ интересовъ всѣхъ сородичей. Связь между членами одного и того же рода, въ экономическомъ отношеніи, самая тѣсная. У киргизовъ владѣніе землей общинное. Каждый родъ и отдѣлъ имѣютъ свой опредѣленный участокъ; на этомъ пространствѣ каждый изъ родовичей можетъ имѣть свои пашни, лѣтовки и зимовки; но родъ ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто изъ другаго отдѣла не занималъ ихъ земель. Особенно жаркіе споры бывали у нихъ изъ за-зимовокъ.

Общинный характеръ родового союза проявляется также въ склад-

чинахъ сородичей на нѣкоторыя общественныя нужды и увеселенія. Такъ, знаменитыя киргизскія тризны по умершемъ отбываются всегда цѣлымъ родомъ; даже нѣкоторыя изъ свадебныхъ увеселеній справляются на счетъ всего отдѣленія.

Въ частности, родъ служитъ для киргизъ прибѣжищемъ во всѣхъ несчастіяхъ и бѣдахъ. Родъ даетъ ему безопасность отъ враговъ; въ случаѣ обиды кого нибудь изъ родовичей, за него вступается весь родъ (посредствомъ баранты), или же въ лицѣ родоправителя.

Въ случаѣ голода, падежа скота, неурожая и тому подобныхъ несчастій, киргизъ также получаетъ помощь отъ своего рода: ему даютъ нѣсколько барановъ, лошадей, коровъ, или «капъ» (2-3 пуда) хлѣба. То же бываетъ при уплатахъ штрафовъ по рѣшеніямъ біевъ, т. е. судей когда приговоры ихъ оказываются обременительными для отдѣльнаго лица. «Кунъ» или выкупъ за преступленіе, совершенное однимъ родовичемъ, всегда выплачивается цѣлымъ родомъ. Если убійство совершить султанъ или манапъ, то «кунъ» платится за него такъ всѣмъ родомъ, по раскладкѣ на кибитку.

Иногда случается, что при перекочевкахъ съ зимовокъ на лѣтовки, когда приходится проходить земли чужихъ родовъ, киргизъ отстаетъ отъ своихъ, или его задерживаетъ на дорогѣ между чужими какое нибудь несчастіе. Въ такомъ случаѣ, киргизъ шлетъ о томъ извѣстіе къ родовичамъ, и получаетъ отъ нихъ помощь, которая заключается, напримѣръ, въ присылкѣ вьючнаго скота, что и даетъ ему возможность снова присоединиться къ своимъ.

Родовой, общинный духъ проникаетъ даже въ частныя отношенія киргизовъ. Сколько бы одноаульцевъ ни пришло въ кибитку киргиза, въ какое-бы то ни было время, всякій получаетъ отъ него по кусочку баранины или другаго яства, и это не по требованію извѣстныхъ правилъ гостепріимства, а по праву родства. Бѣдняки, въ праздничные дни, присутствуютъ при убоѣ скота богатаго родовича, при этомъ получаютъ отъ него небольшія части баранины и другія яства; час-

ВНУТРЕННОСТЬ СУЛТАНСКОЙ ЮРТЫ.

то они сопровождаютъ богатаго кочевника при его выѣздахъ, какъ рой пчелъ свою матку, и въ этомъ случаѣ содержатся на его счетъ.

Родовая связь у киргизовъ весьма сильна. Киргизъ рѣдко сознается въ преступленіи, хотя бы улика была на лицо, въ полной увѣренности, что его одноаульцы скорѣе согласятся сложиться и заплатить за хищничество «кунъ», чѣмъ выдать родича-преступника. Киргизъ не имѣетъ права даже взять жену изъ своего рода, такъ какъ это считается уже кровосмѣшеніемъ. При сборищахъ киргизовъ на праздники, всѣ однородцы считаются какъ бы за одного человѣка—одни хозяевами, а прочіе-гостями. При этомъ, самыми почетными изъ гостей считаются, обыкновенно, наиболѣе удаленные роды, такъ какъ право гостепріимства распространяется преимущественно на чужихъ, постороннихъ людей.

Дорожа своимъ родомъ, киргизъ питаетъ къ нему безграничное почтеніе въ лицѣ всѣхъ представителей его. Нигдѣ нѣтъ такого глубокаго повиновенія и уваженія къ старшимъ въ родѣ, какъ у киргизовъ. Особенно характерно проявляется это уваженіе въ случаяхъ полученія киргизомъ какойнибудь экстраординарной прибыли чрезъ личную доблесть. Такъ, отправляясь на охоту артелью или обществомъ, киргизы всегда отдають лучшаго звѣря или лучшую птицу изъ прибрѣтенной добычи старшему изъ участвовавшихъ на промыслѣ; но если встрѣтится имъ, на возвратномъ пути, еще болѣе старый родовичъ, то получившій лучшую часть добычи долженъ отдать ее встрѣтившемуся родовичу. Точно также, полученный на бѣгахъ, въ борьбѣ или на другомъ какомънибудь состязаніи призъ никогда не присвоивается себѣ побѣдителемъ, а отдается старшему въ его родѣ. Побѣдитель на скачкахъ отдаетъ старшему родовичу не только самый призъ, но и лошадь, выигравшую оный. Этимъ киргизы какъ бы хотятъ возвратить роду часть той помощи, какую они получаютъ чрезъ него.

При всемъ томъ, у киргизовъ нѣтъ офіціального неравенства.

Даже султаны и маналы, чтобы не оскорбить народного чувства, принимаютъ всѣхъ одинаково. Киргизъ идетъ къ высшему себя по словію или по службѣ свободно, входитъ въ его кибитку и располагается какъ ему удобнѣе: на корточкахъ, полулежа на локтѣ, либо избираетъ себѣ изголовьемъ колѣни сосѣда, — и говоритъ при этомъ обо всемъ, какъ равный съ равнымъ.

Такова родовая связь киргизовъ и ея сила. Опираясь на родовое начало, на содѣйствіе всѣхъ родичей и на дѣятельную помощь, поддержку, киргизъ дѣлается хозяиномъ въ пустынѣ, среди многочисленныхъ враждебныхъ племенъ, и можетъ даже богатѣть здѣсь и размножаться. Родовая связь даетъ ему возможность быстро сплотиться и давать немедленный отпоръ всякому враждебному дѣйствию со стороны окружающихъ хищническихъ племенъ. Но за то, вѣвъ родовой связи, кочевникъ какъ-то теряется, обезличиваются и мало по малу становится совершенно безпомощнымъ. Киргизъ, почему-либо отбившійся отъ своего рода, быстро бѣднѣетъ, «Трудно жить между чужими», говорятъ киргизы. Родовой, общинный союзъ — это сила, на которой только и можетъ держаться кочевой бытъ ихъ.

Что касается до дикости нравовъ и хищничества, то все это едва ли можно считать послѣдствіемъ родовой сплоченности киргизовъ. И то и, другое есть скорѣе необходимый результатъ ихъ пастушескаго кочеваго быта. Въ прежнее время хищничество составляло почти единственное средство, съ помощью котораго полудикарь-кочевникъ, не имѣвшій понятія о трудѣ, могъ поправлять свое разстроенное хозяйство и даже размножать свои стада. Такое средство заключалось въ знаменитой «барантѣ», удержавшейся нынѣ только въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ частяхъ киргизской степи.

Впрочемъ «баранта» была простымъ хищничествомъ только по отношенію къ неодноплеменникамъ. Относительно же одноплеменниковъ «баранта» есть, скорѣе, довольно сложный степной законъ,

обставленный многочисленными условіями и оговорками, и основанный на обычномъ правѣ.

Сущность баранты заключается въ хищническомъ отгонѣ скота или табуна лошадей, соединенномъ, очень часто съ разграбленіемъ аула. Киргизъ, потерпѣвшій отъ кого нибудь обиду или оскорбленіе, старается набрать себѣ дружину и отправляется съ нею на поискъ. Барантовщики высматриваютъ стада непріятельскія, подкрадываются къ нимъ въ ночное время, и внезапно, воровски, съ дикимъ пронзительнымъ визгомъ, кидаются на табуны и угоняютъ ихъ къ своимъ жилищамъ. Такъ барантовали малыя партіи. Но часто набѣги производились нѣсколькими стами и даже тысячами набѣздниковъ, т. е. цѣлыми родами. Въ этомъ случаѣ баранту назначаетъ родоначальникъ. Нападеніе совершается открыто, въ знойный полдень или на разсвѣтѣ, когда все спитъ или отдыхаетъ, для того чтобы застать непріятеля врасплохъ. Грабительству тутъ нѣтъ предѣла! Изступленные, полунатіе, съ дикими воплями, они истребляли все и не давали пощады ни полу, ни возрасту. Юрты разграблялись, скотъ угонялся, а люди и пастухи избивались.

Набѣздники, отличившіеся на барантѣ удалствомъ и храбростію, приобрѣтали весьма почетное названіе — «*батырей*». При дѣлежѣ захваченнаго на барантѣ имущества, «батырь» получалъ большую часть, даже не дожидаясь общаго дѣлежа, производившагося по извѣстнымъ правиламъ между всѣми родичами.

Такъ какъ для кочевника скотъ есть все, то нанесеніе вреда послѣднему составляетъ самое высшее оскорбленіе для киргиза, оскорбленіе, которое, въ свою очередь, даетъ и ему право барантовать противъ оскорбителей. Вслѣдствіе этого, барантовщики подвергаются такому же раззоренію отъ ограбленныхъ, составляя, такимъ образомъ, взаимною барантою, длинную цѣпь злодѣйствъ, раззорительныхъ для народа и ведущихъ за собою опустошеніе цѣлыхъ ауловъ.

Баранта прекращалась только зимою; но съ наступленіемъ

весны, удалыцы снова садились на коней и толпами мчались на грабежъ, вооруженные пиками и «чеканами» (топорами на длинныхъ рукояткахъ)...

Энергическія дѣйствія нашего правительства уничтожили среди степей этотъ ужасный обычай, немало способствовавшій вырожденію кочевыхъ племенъ. Но въ отдаленныхъ пограничныхъ мѣстахъ обычай этотъ еще имѣетъ между киргизами своихъ почитателей.

Своеобразный взглядъ кочевника на способъ приобрѣтенія имущества не менѣе характерно проявляется въ другомъ, противоположномъ барантѣ, обычаѣ, такъ называемомъ «тамырствѣ» (обычай дружитья, отъ слова «тамыръ» — другъ). Обычай этотъ удержался въ полной силѣ до настоящаго времени. Желаящіе подружиться обнимаются другъ съ другомъ чрезъ обнаженную саблю, держа ее на груди, причемъ даютъ клятву быть навсегда въ дружбѣ. Дружба эта заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что каждый изъ двухъ тамырозъ имѣетъ право во всякое время пріѣхать къ другому тамыру и объявить ему *калау*, т. е. свой выборъ: это значитъ, что все, чтобы онъ ни выбралъ, тамыръ обязанъ отдать ему. Преимущественно «калау» падаетъ на хорошихъ скакуновъ, беркутовъ, ястребовъ, борзыхъ собакъ, ковры, мѣха и т. под. Если послѣдуетъ отказъ въ выдачѣ калау, то дружба разрывается, и никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого бываетъ баранта, угонъ лошадей и убійства. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей, киргизы прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ уловкамъ: выдавъ «калау», киргизъ, по праву тамырства, старается поскорѣе объявить свой выборъ, падающій часто на тотъ же самый предметъ, а иногда и на болѣе цѣнный... Кто въ этомъ случаѣ перехитритъ другъ друга, тотъ и остается въ выгодѣ... Таковъ обычай тамырства!

Къ числу оригинальныхъ обычаевъ, рисующихъ наклонности «степняка-кочевника» относится также соколиная охота, переня-

тая у киргизовъ ради забавы и нашими старинными князьями и боярами. «Соколиная охота» не составляетъ для киргизовъ промысла или занятія, которому они предавались бы отъ нужды; напротивъ, охота эта составляетъ, по большей части, времяпрепровожденіе богатыхъ киргизовъ, ихъ національное, обычное развлеченіе отъ монотонной жизни пастуха-кочевника, — развлеченіе, которому праздный апатичный азіатъ предается со всею пылкостью хищника... Поэтому и можно сказать, что «соколиная охота» составляетъ скорѣе народный обычай, нежели промыселъ киргизовъ.

Для каждого звѣря у киргизовъ имѣется особая охотничья птица, такъ что ихъ насчитывается до семи породъ. Напримѣръ, на волковъ и лисицъ киргизы ходятъ съ беркутами; на горныхъ козъ, драхвъ и лебедей охотятся съ соколами; съ помощью ястребовъ бьютъ утокъ, гусей, стрепетовъ, и проч.

Сами киргизы рѣдко занимаются дрессировкой для охоты хищныхъ птицъ; эту черную работу исполняютъ, обыкновенно, наши волжскіе татары и башкиры. Татаринъ по цѣлымъ недѣлямъ носитъ хищную птицу на пальцѣ по зарямъ, не кормитъ и не даетъ ей спать, надѣваетъ ей на лапы ремни, завязываетъ колпачкомъ глаза и продолжаетъ эти экзекуціи до тѣхъ поръ, пока птица совсѣмъ перестанетъ дичиться и станетъ по первому зову прилетать къ руцѣ за кускомъ. Тогда татаринъ или башкиръ везетъ птицу въ степь и продаетъ киргизу.

Киргизъ дорого даетъ за охотничью птицу. Хорошій беркутъ цѣнится въ 5—6 верблюдовъ, соколъ — въ 1 или 2 верблюда, ястреба и копчики — дешевле.

Замѣчательна любовь кочевника къ этимъ воздушнымъ, пернатымъ хищникамъ. Киргизъ уже не мучаетъ птицу; черезъ двѣ-три недѣли хищникъ возмужаетъ у него, — перья поброются глянцемъ и глазъ «заиграетъ»... Киргизъ кормитъ его вдоволь, холитъ, гладитъ его, носитъ по степи, словомъ возится съ нимъ, какъ нянька. И

птица, въ свою очередь, не остается равнодушной къ своему патрону.

Но высшее наслажденіе для киргиза начинается тогда, когда онъ отправляется съ своимъ орломъ или беркутомъ на охоту. Предъ этимъ онъ дня 2 — 3 совсѣмъ не кормитъ птицу. Затѣмъ киргизъ сѣдлаетъ свою коренастую лошадку, садится верхомъ, помѣщаетъ рядомъ, на лукѣ, голоднаго хищника, накрывъ ему глаза колпакомъ, — и оба катаются по степи... Завидитъ кочевникъ лису или сайгака, сейчасъ же сдернетъ колпакъ съ пернатаго хищника, подниметъ на рукѣ такъ, чтобы онъ видѣлъ звѣря — и пускаетъ на свободу... Тяжело взмахнетъ крыльями проголодавшійся орелъ, и пойдетъ на кругахъ, все выше и выше... Киргизъ глазъ съ него не спускаетъ. Но вотъ «пернатый хищникъ» нацѣлилъ на звѣря, и, сложивъ крылья, стрѣлой падаетъ внизъ... У киргиза замеръ духъ! Но беруктъ уже сдѣлалъ свое дѣло: запустивъ когти одной лапы въ голову лисицы, а когти другой — въ ея крестецъ, беркутъ выклевываетъ ей глаза и сильными ударами клюва въ голову убиваетъ ее или ослабляетъ настолько, что восхищенный киргизъ, примчавшись во весь духъ, безъ труда уже доканчиваетъ поражение звѣря. Послѣ этого кочевникъ не налюбуется на своего «пернатаго товарища», холить, гладить его и даетъ ему лучшій кусокъ изъ добычи, кусокъ лисьей печени...

О хорошей, удалой птицѣ молва пробѣгаетъ по всей степи. Киргизы ѣдутъ за 100 — 200 верстъ и больше, чтобы посмотрѣть на нее, полюбоваться ея удалью, какъ она лисицъ и волковъ матерыхъ хватаетъ, словно зайцевъ, и душитъ въ когтяхъ... Удивленію ихъ нѣтъ конца! За то и хозяинъ цѣнитъ такую птицу дороже своего скота и жилища...

Киргизы охотятся на звѣрей и съ борзыми туркменскими собаками (*тазами*); но собаки эти дурно содержатся и вовсе не воспитываются для охоты.

Вышеописанныя наклонности киргизовъ составляютъ, конечно, крупныя пороки, но, во всякомъ случаѣ, не прирожденные имъ, а навѣянные прежнимъ хищническимъ бытомъ, — пороки, подѣ влияніемъ русской цивилизаціи, все болѣе и болѣе сглаживающіеся и даже совсѣмъ исчезающіе. Въ настоящее время, киргизъ-кочевникъ въ сущности, уже выродился и имѣетъ больше задатковъ для мирнаго гражданскаго развитія, нежели для хищническаго быта. Правда, познанія и навыкъ киргизовъ къ гражданской жизни еще не настолько велики, чтобы они могли тотчасъ же перейти къ ней; но этого, конечно, нельзя и требовать отъ нихъ; хорошо уже и то, что въ нихъ есть несомнѣнныя задатки для постепеннаго перехода къ слѣдующей, высшей степени цивилизаціи.

Свѣдѣнія киргизовъ касаются, главнымъ образомъ, узкой сферы пастушескаго быта. Киргизъ знаетъ на небѣ Полярную звѣзду (*темиръ-казыкъ* — желѣзный гвоздь), которая указываетъ ему дорогу въ степи, Большую Медвѣдицу, по которой онъ опредѣляетъ время ночи, Венеру (*караванъ-джылдызъ* — звѣзду каравановъ), поднимающую его въ дальній путь. Знаетъ также привычки и свойства своихъ животныхъ и разныя благопріятныя и неблагопріятныя условія вочевокъ.

Но, кромѣ того, киргизамъ извѣстны и многія изъ условій осѣдлаго быта. Киргизъ умѣетъ приготовить себѣ всѣ вещи, нужныя для домашняго обихода. Всякому матеріалу, который даетъ имъ скотъ, они могутъ придать форму, удобную для личнаго употребленія. Они умѣютъ валять кошмы и войлоки, ткать армячину, выдѣлывать кожи, мѣха, замшу, готовить «сабы» (кожаные мѣхи для храненія кумыса), «чембары» (кожаные штаны), «яргаки» (шубы изъ телячьихъ шкуръ), «турсуки» и «бурдюки» (мѣшки изъ конскихъ и овечьихъ кожъ), «кебежи» (сундуки изъ сырыхъ коровьихъ кожъ), шить сапоги и платье, дѣлать арканы, конскую сбрую, молоть муку и проч., и знакомы отчасти съ кузнечнымъ, плотничнымъ

и красивымъ мастерствами. Остальныя же вещи, какъ-то: домашнюю посуду, разныя матеріи и металлическія вещи — они получаютъ, по большей части, изъ Россіи и среднеазиатскихъ ханствъ. Но и вышеперечисленныхъ ремеслъ и свѣдѣній киргизовъ достаточно, чтобы составить прочное основаніе для ихъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія.

Къ хлѣбопашеству киргизы пока переходятъ только вслѣдствіе крайней необходимости, потерявши, напримѣръ, весь свой скотъ и сдѣлавшись «джетаками (лежащими, неkochующими). Такихъ обездоленныхъ кочевниковъ, вслѣдствіе прежней баранты и разныхъ стихійныхъ бѣдствій, весьма часто посѣщающихъ киргизскую степь, накопилось уже множество, и они, волей-неволей, образовали особый классъ — «игинчи» — пахарей. Понятно, что положеніе этихъ подневольныхъ пахарей не могло сдѣлаться особенно завиднымъ. Во первыхъ, для истаго киргиза, «игинча» — пахарь — слово презрительное, означающее самаго послѣдняго, самаго низкаго человѣка. Одно уже это обстоятельство не можетъ служить особеннымъ поощреніемъ для киргиза къ земледѣльческому труду. Къ тому же киргизы ѣдятъ хлѣба мало и неохотно, и потому самыя «закромы хлѣба» также не могутъ для нихъ представлять особенной прелести. Сверхъ того, неумѣнье взяться за дѣло, отсутствіе навыка къ земледѣлію и вообще привычки къ труду, и, наконецъ, постепенное распаденіе, вслѣдствіе новыхъ условій жизни, родоваго общественнаго быта, — все это ставитъ пахаря-киргиза въ самое ужасное положеніе. Покопавшись кое-какъ вмѣсто сохи допотопной лопатой у своей пашни, и оросивъ ее, по обыкновенію всѣхъ среднеазиатцевъ, тощимъ каналомъ («арыкомъ»)*, киргизъ-«игинчи» больше уже не знаетъ никакихъ заботъ

*) Искусственно проведенная вода составляетъ для осѣдлыхъ среднеазиатцевъ, вслѣдствіе особнхъ условій природы, такой же источникъ благосостоянія, какъ скотъ у кочевниковъ. Владѣть большимъ «арыкомъ» — ирригаціоннымъ кана-

о своей землѣ, и, предоставивъ все дѣло собственному его теченію, едва успѣваетъ собрать даже затраченныя сѣмена. Селится онъ также на манеръ своихъ отцовъ и братьевъ кочевниковъ — въ кибиткахъ. Но юрта не домъ; она не предназначалась для земледѣльца и въ высшей степени непрактична для жизни на мѣстѣ. Оттого грязь, нечистота, холодъ, повсемѣстныя лохмотья и вѣчныя болѣзны, — вотъ обыкновенные атрибуты некучующихъ киргизовъ или «джетаковъ».

Многіе изъ этихъ «игинчи» или пахарей доходили до такой крайности, что продавали своихъ дѣтей въ азіатскихъ владѣніяхъ за какой-нибудь «капъ» хлѣба, чтобы только имѣть возможность продлить свое существованіе. Образовавъ особый, довольно многочисленный классъ нищихъ (*байгушей*), они ходили толпами по нашимъ линейнымъ селеніямъ, городамъ и крѣпостямъ, въ грязныхъ рубищахъ, съ дѣтьми — большею частью — нагими, выпрашивая милостыню, или же пускаясь въ хищничество. Въ настоящее время, «байгуши» нанимаются въ работу къ русскимъ земледѣльцамъ, а также занимаются на заводахъ и пріискахъ, или же служатъ въ пастухахъ (*кончи*) у богатыхъ киргизовъ.

Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы подобное положеніе киргизовъ — пахарей было естественнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ перехода ихъ къ осѣдлому быту. Существуетъ, безъ сомнѣнія, множество условій, при которыхъ и кочевникъ можетъ сдѣлаться — и дѣлался — прилежнымъ, зажиточнымъ земледѣльцемъ. Но, во всякомъ случаѣ, несчастный примѣръ «игинчей», служа какъ бы подтвержденіемъ взглядовъ кочевниковъ, не особенно располагаетъ послѣднихъ

домъ, для азіата-земледѣльца значить быть богатымъ. Вслѣдствіе этого, самое землевладѣніе въ Средней Азіи основано на правѣ «оживленія», т. е. по мѣстному закону, только тотъ имѣетъ первоначальное право на обладаніе землей, кто ее оросилъ, оживилъ. Этотъ взглядъ отчасти проникъ и къ киргизамъ.

къ подражанію имъ. И дѣйствительно, жизнь большинства кочевниковъ, по сравненію съ положеніемъ пахарей, представляется просто раемъ.

Въ торговлѣ киргизы также не принимаютъ непосредственнаго участія, хотя сношенія ихъ съ Россіей и азіатскими странами производятся довольно дѣятельно, конечно азіатскимъ способомъ — съ помощью верблюдовъ или посредствомъ, такъ-называемыхъ, «таравановъ». Драгоцѣнныя качества верблюда, этого «корабля пустыни», даютъ возможность переходить съ товаромъ даже безводныя и безтравныя пустыни киргизскихъ степей. Караванные пути пересѣкаютъ киргизскую степь во всѣхъ направленіяхъ, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Когда ѣдешь по степи, то на сѣрожелтой ея поверхности пути эти вездѣ раскинулись темными лентами, проторенными копытами верблюдовъ и тяжелыми колесами азіатскихъ товарныхъ арбъ.

Многіе изъ киргизовъ разводятъ верблюдовъ спеціально для караваннаго найма; богатые кочевники держатъ съ этой цѣлью сотъ по пяти верблюдовъ. Вожаками верблюдовъ въ караванахъ или «чапарами» служатъ также киргизы. Вожаки, или чапары, въ караванѣ подчиняются обыкновенно «караванъ-башѣ» (караванному старшинѣ), избираемому изъ среды купечества. Караванъ-баша разбираетъ распри между чапарами, принимаетъ нужныя мѣры для безопаснаго слѣдованія каравана, развѣдываетъ о киргизскихъ родахъ, кочующихъ близъ дороги — дружественные они, или враждебные, и по общему совѣщанію съ чапарами, располагаетъ ходомъ каравана, назначаетъ ночлеги и остановки.

Движеніе каравана въ степи представляетъ чрезвычайно оригинальную картину. Верблюды, навьюченные разнымъ товаромъ, идутъ обыкновенно, одинъ за другимъ, гуськомъ, или, по караванному выраженію, «ниткой». Для этого ихъ привязываютъ одного къ другому посредствомъ особыхъ уздечекъ, состоящихъ изъ веревочки, прикрѣ-

пленной къ концамъ маленькой палочки или кости, продѣтой въ носовой хрящъ верблюда. При остановкѣ на кормежку нужно только потянуть верблюда за эту уздечку, и онъ тотчасъ становится на колѣни; въ это время безъ труда снимаютъ съ него вьюкъ, а самого его пускаютъ на подпожный кормъ. Утромъ, по слову: «чокъ»! верблюдъ опять становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу въ особую раму, приерѣпленную къ его спинѣ и обшитую войлокомъ.

Поставляя верблюдовъ подъ караваны и служа вожаками ихъ, киргизы въ самой торговлѣ не принимаютъ никакого участія. Караванная торговля почти вся находится въ рукахъ среднеазиатскихъ купцовъ и отчасти русскихъ. Въ торговомъ отношеніи киргизъ зависитъ отъ другихъ. Болѣе всѣхъ прижимаютъ киргизовъ туркестанскіе жители — *сарты*. Сартъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, непременно торгашъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Будучи дѣятеленъ по натурѣ, онъ неумолимъ въ надуканіи ближняго и въ набапливаніи денегъ. Трусливый по характеру, сартъ не побоится рисковать своею жизнью, если этотъ рискъ дастъ ему барышъ. Совершенно равнодушно отправится онъ съ караваномъ черезъ всѣ среднеазиатскія трущобы и пустыни въ Москву, Нижній Новгородъ, Семипалатинскъ, или въ Индію, зная хорошо, что трущобы эти и пустыни заселены кругомъ хищными племенами, у которыхъ грабежи почти единственное средство къ существованію. Понятно, что для такихъ отважныхъ барышниковъ, каковы сарты, болѣе другихъ добродушный и наивный — киргизскій народъ представляетъ неистощимый источникъ наживы. Ежегодно, вмѣстѣ съ приходомъ киргизскихъ родовъ на зимовки, у богатѣйшихъ ауловъ непременно появляется переносная юрта прикащика какого нибудь сарта. Раздавая свой товаръ, приготовленный на киргизскую руку, подъ барановъ и скотъ будущаго приплода, прикащикъ беретъ за свой товаръ въ нѣсколько разъ дороже его настоя-

щей цѣны. Распродавъ въ кредитъ товаръ, прикащикъ спокойно возвращается къ хозяину съ отчетомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что долги почти никогда не пропадаютъ за киргизами. Къ осени, этотъ долгъ сберется по ауламъ, и гурты скота, полученнаго отъ киргизовъ, пригоняются въ мѣста жительства сартовъ для нагула.

Не мудрено, что сами киргизы не принимаютъ никакого участія ни въ торговлѣ, ни въ промышленности, и не хлопочутъ много ни о какихъ перемѣнахъ въ быту или улучшеніяхъ. Потребности кочевника чрезвычайно просты и однообразны. Незначительный капиталъ въ скотѣ, напримѣръ, 200—250 барановъ, съ пропорціональнымъ количествомъ коровъ и лошадей, дѣлаетъ жизнь киргиза совершенно счастливою. Киргизъ счастливъ, если у него есть скотъ для прокормленія, кибитка для защиты отъ непогоды, постель для сна и жена для услуги. При подобномъ состояніи, даже прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Привольно беззаботно ему живется тогда! Онъ веселъ и гордъ, любуясь своими жирными баранами и десяткомъ — другимъ маленькихъ, горбоносыхъ, кадыкастыхъ лошадокъ. Кругомъ его раздолье, такое же широкое, какъ мать его — степь. Если же состояніе его будетъ выше, то у киргиза все-таки не явится ни одной новой потребности; онъ станетъ только ѣздить на хорошей лошади, вмѣсто посредственной; станетъ покупать ташкентскія или китайскія сѣдла, вмѣсто грубыхъ и жесткихъ киргизскихъ; заведетъ двѣ «сабы», вмѣсто одной; уберетъ внутренность юрты *тикеметами* (росписными кошмами и коврами) вмѣсто простыхъ кошемъ; однимъ словомъ, количество потребностей останется тоже, но, съ увеличеніемъ его состоянія, киргизъ станетъ улучшать только качество потребляемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, потребности и бѣдныхъ, и богатыхъ кочевниковъ почти одиѣ и тѣ же; удовлетворяются же онѣ, смотря по состоянію, съ большею или меньшею прихотливостью. Киргизъ, главнымъ образомъ, заботится о томъ, чтобы его состояніе

позволяло ему продолжать кочевой образъ жизни и чтобы, въ противномъ случаѣ, не обратиться — чего боже упаси — въ «джетака» или пахаря.

Жилище.

Становища или аулы киргизовъ стоятъ въ степи чрезвычайно рѣдко одинъ отъ другаго, такъ что по жилищамъ кочевниковъ путешественникъ не можетъ опредѣлить направление своего пути, какъ по нашимъ селеніямъ. Лишь въ кои-вѣки доберешься въ необозримой степи до такой прогалины или ложбины, гдѣ вблизи ручья невысыхающаго и лѣтомъ, прячась за «борханомъ» (бугромъ) и тростниками, пріютились эти невзрачные аулы, состоящіе изъ сплотившихся группами юртъ, покрытыхъ потемнѣвшими войлочками. Непривычному человѣку юрты, съ перваго раза, покажутся кучками насыпной земли. Замѣтить такой аулъ издали чрезвычайно трудно. Гораздо скорѣе можно добраться до него по особенному аульному запаху. Воздухъ вокругъ жилища кочевника пропитанъ запахомъ скотскаго навоза. Въ чистомъ степномъ воздухѣ далеко слышенъ этотъ характеристическій запахъ, перемѣшанный съ гарью, выдавая тѣмъ присутствіе аула, хотя бы онъ и былъ спрятанъ за камышами и прогалинами.

Первое живое существо, которое увидишь, приближаясь къ аулу, это верблюды, пасущіеся на солонцеватыхъ, повидимому совершенно безплодныхъ степяхъ. Медленно подниметъ верблюдъ свою голову съ земли и его умные глаза выразятъ недоумѣніе при видѣ людей, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Увидя, что эти люди приближаются къ нему, онъ сдѣлаетъ неловкій скачекъ въ бокъ и, судорожно согнувши свой жалкій хвостъ, побѣжитъ по равнинѣ, нескладно сгибая свои мозолистые ноги и ныряя всѣмъ корпусомъ въ воздухъ...

Въ ближайшихъ къ аулу частяхъ степи, раскинулись стада барановъ, будто разсыпанныя по ней кучи камешковъ. А еще ближе къ аулу—пасутся лошади и рогатый скотъ.

Около самыхъ юртъ бродятъ худыя, злѣйшія собаки, съ стоячими ушами, кидающіяся съ остервененіемъ на всякаго человѣка, непохожаго на киргиза. Нѣкоторые изъ нихъ, забравшись въ середину какого нибудь остова павшаго животного, съ сердитымъ ворчаньемъ обглаживаютъ на немъ бахромки мяса... Заслышавъ проѣзжихъ, онѣ съ недоумѣніемъ выберутся изъ костяка и испугнуть тѣмъ цѣлую стаю сорокъ и другихъ пернатыхъ спутниковъ степняка-кочевника. Гдѣ нибудь въ сторонѣ, на «барханѣ», сидитъ огромной орелъ-стервятникъ, гордо слѣдящій за проѣзжими. Женщины-киргизки повывѣзутъ изъ юртъ, въ своихъ высокихъ головныхъ уборахъ изъ грубаго коленкора. Прикрывъ глаза рукою, онѣ будутъ стоять у юртъ и смотрѣть съ тупымъ вниманіемъ на проѣзжающихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не пропадутъ за горизонтомъ. Совершенно голыя, до невѣроятности грязныя, вывалявшіяся въ навозѣ дѣтисидѣвшіе, пока путешественники были недалеко, внутри юртъ, пугливо забившись по угламъ, теперь выбѣгутъ въ степь, замахають руками, закрмчатъ, запищать и пошлютъ вслѣдъ за путешественниками стаю волкообразныхъ собакъ, съ поднятою на спинѣ шерстью. Сами же хозяева кибитокъ, пожилые киргизы, праздно снующіе верхомъ взадъ и впередъ вокругъ ауловъ, завидѣвъ путешественника, непременно поскачутъ къ нему на встрѣчу, чтобы спросить: «что на свѣтѣ новаго?»

Каждый аулъ состоитъ изъ десяти или пятнадцати юртъ, расположенныхъ неподалеку одна отъ другой и занятыхъ семействами кровныхъ родичей. Первое мѣсто занимаетъ юрта главы аула—отца или дѣда—кровныхъ родичей. Рядомъ съ его юртою помѣщаются юрта *бай-баче*, т. е. его первой жены и такая же юрта для *токель* («безрогихъ», т. е. неимѣющихъ вліянія на мужа—младшихъ женъ).

Всѣ дѣти живутъ въ кибиткахъ своихъ матерей. Взрослые же сыновья имѣютъ каждый свою юрту. Какъ только сынъ женится, ему сейчасъ ставятъ отдѣльную юрту, недалеко отъ отца, и надѣляютъ его скотомъ, вычитая при этомъ, уплаченный за его жену калымъ: чѣмъ больше у него женъ, тѣмъ меньше у него имущества; но онъ очень часто дополняетъ его барантой. Каждый изъ женатыхъ сыновей ставитъ подлѣ своей юрты, въ свою очередь, кибитки для своихъ женъ и т. д. Все это расположено группами по строгому порядку старшинства членовъ рода, огорожено общей тростниковой загородкой и составляетъ «ауль». Начальникъ его есть старшій между кровными родственниками, — ихъ отецъ или дѣдъ. Скотъ всѣхъ членовъ аула пасется вмѣстѣ, на общемъ пастбищѣ.

Рядомъ съ этимъ ауломъ помѣщается другой подобный же ауль, члены, котораго состоятъ въ близкомъ родствѣ съ членами перваго. Дальше располагается третій ауль, члены котораго также находятся въ родствѣ съ двумя первыми, и т. д. Нѣсколько такихъ ауловъ, связанныхъ близкимъ родствомъ и имѣющихъ каждый свои стада и табуны, составляютъ вмѣстѣ «улусъ», начальникомъ котораго служить «аксакаль», т. е. старшій во всемъ союзѣ близкихъ родственниковъ.

За нѣсколько верстъ отъ этого улуса располагается другой подобный же улусъ, всѣ члены котораго состоятъ въ дальнемъ родствѣ съ членами перваго улуса. Нѣсколько такихъ улусовъ вмѣстѣ составляютъ отдѣльный родъ, кочующій по степи широко-раздвинувшейся линіей, и состоящій подъ главенствомъ султана или манапа.

Переносное жилище киргиза «кибитка» или «юрта» (*yü*) въ высшей степени приспособлено къ его походной жизни и напоминаетъ собою остовъ животного, или, вѣрнѣе, *грудную клетку*.

Каждая юрта состоитъ изъ деревяннаго *остова* и войлочной по-

крышки. Остовъ, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ три части: верхнюю, нижнюю и среднюю.

Деревянный остовъ, для прочности, обтягиваютъ сверху веревочками и широкими тесьмами. Затѣмъ его покрываютъ кошмами, лѣтомъ бѣлыми, а зимою — сѣрыми, въ два ряда. Чагаракъ, или верхній кругъ, остова имѣетъ отдѣльную покрывшу изъ особой кошмы; онъ составляетъ дымовое отверстіе въ юртѣ (*тюн'юкъ*) и служитъ въ тоже время вмѣсто окна.

Вполнѣ собранная юрта, покрытая кошмами и обтянутая веревочками и тесьмами, стоитъ такъ прочно, что если встать на нее взрослому человѣку, то она не покачнется, и ее можно свободно переносить съ мѣста на мѣсто, нисколько не нарушая взаимнаго отношенія частей.

Разбирается юрта еще легче. Ее разъединяютъ на составныя части, навьючиваютъ на верблюдовъ и, такъ сказать, «по суставамъ» перевозятъ на новое мѣсто.

Юрта, занимающая, сравнительно, ничтожное пространство (3 — 4 сажени въ поперечникѣ и 2 — 3 сажени въ вышину) должна вмѣстить въ себѣ всѣ необходимыя въ домашнемъ быту покои: столовую, гостинную, спальную, кладовую и проч. Поэтому, здѣсь все рассчитано, соображено, всему опредѣлено свое мѣсто, какъ въ пчелиномъ ульѣ; каждая вещь, каждый членъ семейства или гость знаютъ, гдѣ ему сѣсть или лечь. Оттого, въ сравнительно ничтожномъ помѣщеніи юрты, небогатый киргизъ ухитряется нерѣдко помѣститься съ двумя женами, со всѣми ихъ семействами и домашнимъ скарбомъ, и тутъ-же собирается иногда до 50 человѣкъ гостей.

При входѣ въ юрту, на первомъ планѣ, составляющемъ ея заднюю часть, бросаются въ глаза въ порядкѣ уложенные сундуки и кожаные тюки, завернутые въ ковры или узорчатые кошмы («тикеметы»). Тамъ сложено все богатство киргиза, и по количеству этихъ сундуковъ и тюковъ можно съ перваго раза составить вѣрное поня-

тіе о состояніи хозяина. Передъ этими сундуками всегда сидитъ самъ хозяинъ или сидятъ почетные гости. Середину юрты занимаетъ очагъ.

Лѣвая сторона ея завѣшана пологомъ, который на день подбѣрается за «ууки», а ночью опускается, отдѣляя, такимъ образомъ, спальню хозяина отъ домочадцевъ и гостей. Тутъ помѣщается деревянная, изрѣдка желѣзная кровать, или просто постельные войлоки, убираемые на день куда-нибудь въ уголъ. Правая сторона юрты загорожена стѣнкою или ширмою, сплетенною изъ особаго растенія, называемаго «чіемъ» (родъ соломы). Ширма эта непремѣнно вышита разноцвѣтною шерстью или шелкомъ. За этою ширмою помѣщается кладовая. Тамъ хранятъ всѣ продовольственные запасы и домашняя посуда. Мясо сырое и копченое виситъ тутъ-же на столчихъ желѣзныхъ палкахъ съ крючками, или просто на сучковатыхъ шестахъ. Вѣшаютъ мясо высоко, оберегая его отъ собакъ, которыхъ киргизы никогда не кормятъ.

Между кладовою и стѣнкою изъ сундуковъ и тюковъ, въ самой задней части юрты, у небогатыхъ киргизовъ помѣщается, обыкновенно, жена хозяина, ея дочери и маленькія дѣти.

Полъ юрты весь устилается войлокомъ или пестрыми кошмами.

Внутренняя сторона юрты, для украшенія, обшивается иногда кусками сукна, расположенными симметрически въ видѣ своеобразныхъ узоровъ. «Чагаракъ» или деревянный кругъ вверху юрты и косяки дверей также украшаются красками, рѣзбою, костью, мѣдью и зеркальцами.

Внѣшняя сторона юрты, въ видѣ украшенія, обкладывается по краямъ кусками кошмы, обшитой сукномъ.

Дверь юрты закрывается, обыкновенно, опускаемымъ войлокомъ. Дверь эта носитъ характерное названіе: *ишъ киръ месъ*, т. е. «собака не войдетъ».

Одежда киргизовъ не сложна. Киргизъ носитъ распашную ру-

башку изъ «бязинной» (бумажной) матеріи, *чамбары*, т. е. штаны изъ козлиной или овечьей кожи; кожаные сапоги, шитые жилами, на одной подметкѣ, безъ рантовъ и безъ стелекъ, съ двойными деревянными каблуками. Поверхъ рубашки надѣваютъ халатъ изъ желтой или сѣрой армячины. Опоясываются ремнемъ съ мѣдными или серебрянными бляхами; къ нему привѣшиваютъ кожанную сумку (*калту*), въ которой хранится огниво и рогъ (*насымъ*) съ нюхательнымъ табакомъ. На бритой головѣ носятъ тюбетейку, сверхъ которой надѣваютъ конусообразную, войлочную шляпу, съ загнутыми вверхъ полями.

Зимою носятъ овчинныя шубы и *яраки*, т. е. халаты изъ козлиной или телячьей шкуры, шерстью вверхъ; грудь оставляютъ по большей части открытою. Въмѣсто шляпы надѣваютъ *малахам*, т. е. овчинныя, крытыя сукномъ, конусообразныя шапки съ полями, загнутыми спереди вверхъ, а сзади—опущенными внизъ.

Національное вооруженіе киргизовъ составляютъ: пика, «чеканъ» (топоръ на длинной рукояткѣ), лукъ со стрѣлами, кривая сабля и изрѣдка старинное ружье съ фитилемъ.

Одежда богатыхъ киргизовъ сохраняетъ, въ сущности, тотъ-же покррой, но блещетъ серебромъ, золотомъ, шелкомъ, галунами, бархатомъ, дорогими мѣхами, сафьяномъ и т. п. роскошью. При этомъ киргизы страстно любятъ чины, ордена и жалованные кафтаны.

Женщины киргизскія въ одеждѣ немногимъ разнятся отъ татарокъ. Дѣвушки киргизскія (*кызъ*) заплетаютъ волосы въ мелкія косички, соперничая ихъ количествомъ, и носятъ на головѣ шапочки или фески. Замужнія-же киргизки (*катимъ*) заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя распускаютъ по плечамъ, обвертывая ихъ иногда бязью, т. е. бѣлою бумажною матеріею. Головной уборъ замужней женщины состоитъ изъ конусообразной шапки, вышиною въ полъ-аршина, называемой *джемукъ*. Уборъ этотъ накрывается сверху кускомъ бѣлаго коленкора, концы котораго висятъ сзади; спереди-

же, на лбу, джавлукъ вышивается шелкомъ или унижается корольками, змѣвиками, бусами и т. п.

Остальной костюмъ киргизокъ почти совершенно такой-же, какъ и у татарокъ. Даже бѣлила, ружья и сурьма получаютъ ими, вѣроятно, изъ одного источника съ послѣдними.

Пища кочевника весьма неприхотлива. Не смотря на многочисленныя стада, какими располагаетъ онъ, мясо, противъ всякаго ожиданія, не составляетъ его обыденнаго кушанья и лишь изрѣдка появляется на столѣ только болѣе зажиточныхъ киргизовъ. Даже баранину ѣдятъ ежедневно лишь самые богатые изъ кочевниковъ. Конина-же составляетъ рѣшительно для всѣхъ ихъ лакомство. Мясо верблюдовъ ѣдятъ еще рѣже, такъ какъ рѣжутъ ихъ только въ случаѣ неизбежной ихъ смерти, на примѣръ, вслѣдствіе старости болѣзни, увѣчья и т. п.

Такая воздержность кочевника отъ употребленія мясной пищи весьма понятна. Скотъ нуженъ ему не столько для пищи, сколько для удовлетворенія всѣхъ потребностей зочеваго быта. Скотъ служить киргизу не столько своимъ мясомъ, сколько своею кожею, шерстью и волосомъ. Изъ кожъ киргизъ готовитъ себѣ платье и почти всю свою домашнюю утварь, а шерсть служитъ у него главнымъ матеріаломъ для постройки жилища и, кромѣ того, идетъ ему также на платье и на разныя другія домашнія принадлежности, замѣняя подъ-часъ дерево, пеньку, ленъ и пр. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ, кочевникъ долженъ тщательно беречь и размножать свой скотъ, а отнюдь не истреблять его, и киргизъ хорошо понимаетъ, что съѣвъ онъ лишняго барана или лошади изъ своего стада, то какъ разъ придется ему обратиться въ «джетака» или пахаря.

Вотъ почему главную пищу киргизовъ составляетъ молоко и — что всего неожиданнѣе — просо. Эти два вещества киргизы употре-

бляютъ въ разнообразныхъ формахъ, какъ нельзя болѣе принаровленныхъ къ ихъ походной, кочевой жизни.

Изъ молока, преимущественно овечьяго или козьяго, киргизы готовятъ *куртъ*, т. е. сыръ, довольно питательный, но очень сухой и твердый, некрошащійся и непортящійся, занимающій очень мало мѣста, однимъ словомъ, весьма удобный для дороги. Изъ просяной поджареной муки киргизы готовятъ себѣ *толканъ*, т. е. болтушку съ водою. Одна—двѣ горсти такой муки, разбавленная водою, достаточны въ день для одного человѣка. Выпивъ такой болтушки, киргизъ считаетъ себя совершенно сытымъ.

Национальный киргизскій напитокъ составляетъ знаменитый *кумысъ*, приготовляемый изъ кобыляго молока. Едва ли кто такъ умѣетъ готовить кумысъ, какъ киргизы, чему не мало способствуютъ раздолье киргизскихъ степей и качество ихъ скота. Предназначенное для кумыса молоко сливаютъ сперва въ кожаный мѣшокъ (сабу), гдѣ оно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, тщательно и часто взбалтывается особой палкой — «пекенемъ». Для закваски, въ новую сабу кладутъ копченную лошадиную жилу; старая же обдержанная саба сама по себѣ служитъ закваской для молока. Отъ частаго взбалтыванія и закваски, молоко постепенно приходитъ въ броженіе, и въ концѣ концовъ получается напитокъ, чрезвычайно питательный, освѣжающій и слегка опьяняющій. Киргизы употребляютъ кумысъ въ огромномъ количествѣ, какъ русскіе пьютъ брагу. Изъ коровьяго молока киргизы готовятъ *айранъ*, тоже родъ кумыса, но далеко уступающій послѣднему по качеству. Въ большомъ также употребленіи между ними *арака*, перегнанная изъ кумыса водка и, наконецъ, *буза*, брага изъ просяной муки.

Чай пьютъ только очень богатые киргизы. Но для гостей напитокъ этотъ считается необходимымъ угощеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ къ чаю подаютъ *дсстарханъ*—сладости, главнымъ образомъ орѣхи, миндаль, фисташки, кишмишъ и немного сахара. Все это

разсыпается на полотенце, состоящее изъ куска полотна, ситцу или канауса.

Кириичный чай гораздо болѣе распространенъ между киргизами, нежели обыкновенный, и они пьютъ его совершенно также, какъ и сибирскіе татары.

Киргизы всѣ мусульмане, на сколько это совмѣстно съ ихъ любовью къ свободѣ и страстью къ пастушеской жизни. Они исповѣдуютъ магометанскую вѣру сунитскаго толка, но въ нихъ незамѣтно фанатизма и нетерпимости, присущихъ усерднымъ послѣдователямъ корана. По роду ихъ кочевой жизни, они и мечетей держатъ немного, да имъ рѣдко приходится и молиться въ нихъ. Въ званіе ахуновъ, имамовъ и муллъ киргизы избираютъ, обыкновенно, казанскихъ татаръ, или сартовъ, которыхъ утверждаетъ въ этихъ должностяхъ оренбургскій муфтіи.

Объ руку съ муллами у киргизовъ есть и *баксы*, истолкователи судьбы, представители прежнихъ вѣрованій въ добрыхъ и злыхъ духовъ, и чуть ли послѣдніе не пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ по сравненію съ первыми. «Баксы» занимаются ворожбою леченіемъ. Главнымъ орудіемъ, при этомъ, служить у нихъ музыкальный инструментъ, родъ скрипки съ разными металлическими побрякушками, изъ котораго они извлекаютъ смычкомъ дикіе звуки, распѣвая непонятныя слова и вызывая духовъ, причемъ кривляются, какъ шаманы, бросаются въ огонь, тычутъ себя ножами.

Вообще, въ киргизскихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ можно до сихъ поръ замѣтить слѣды шаманства, когда-то распространеннаго во всей сѣверной полосѣ Азіи. Киргизы доселѣ поклоняются видимымъ предметамъ изъ міра физическаго. Уединенно стоящее въ степи дерево, гигантскій камень, одиноко выдвинутый на необозримой равнинѣ, горная пещера съ ключемъ чистой воды, могилы «батырей», все это служитъ у нихъ предметомъ поклоненія. Ни одинъ киргизъ не пройдетъ мимо могилы «батыря», не слѣзши съ коня и не отправивши

намаза, причѣмъ оставляетъ обитающему тутъ духу какую нибудь умилоствляющую жертву, лоскутъ одежды, либо хоть клокъ конскихъ волосъ, привѣшивая это на воткнутыхъ вокругъ кольяхъ.

Обряды же собственно мусульманскіе, какъ то посты, молитвы, омовенія, посѣщеніе Мекки—исполняются ими не такъ охотно.

Образъ жизни, праздники и обряды.

Киргизскій день начинается съ восходомъ солнца. Едва блеснетъ первый лучъ свѣта, какъ мулла, или кому случится проснуться раньше, затягиваетъ *азанъ* (призывъ на молитву). Сейчасъ же открываются двери всѣхъ юртъ и проснувшіеся обитатели идутъ къ водѣ для совершенія «намаза». Послѣ омовенія читается первая молитва въ юртѣ или на дворѣ. Жены обязаны къ этому времени убрать постели, развести огонь и приготовить завтракъ, который состоитъ, большею частью, изъ «кужи», просяной похлебки. Если средства позволяютъ, то прибавляютъ въ котелъ съ кужей—молока, курдючнаго сала, конской колбасы или айрану. Если есть остатки отъ ужина, то они подаются тутъ же. Вообще киргизъ любитъ въ это время поѣсть плотно.

По окончаніи завтрака, вымывъ руки и погладивъ себя по бородѣ, со словами *Алла-акъ-беръ*, всѣ встаютъ и каждый идетъ къ своему дѣлу: женщины доятъ скоть предъ угономъ его въ поле, мужчины же, по обыкновенію, идутъ гулять. Подойвъ скоть и отпустивъ его въ поле, женщины принимаются готовить запасы провизіи—айранъ, кумысъ и проч. Дѣти въ это время собираютъ дрова и носятъ воду. Молодые дѣвушки готовятъ себѣ приданое, валяютъ кошмы, вышиваютъ по нимъ разные узоры, снуютъ тесьмы. Вообще киргизскимъ женщинамъ гулять некогда, а потому въ аулѣ днемъ рѣдко слышны разговоры или пѣсни.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ весь день, прерываемый изрѣдка молитвами, которыя совершаютъ только мужчины. Объденнаго времени у киргизовъ не полагается, за отсутствіемъ обычая *обѣдать*. Это время сутокъ они проводятъ большей частью въ дорогѣ или перекочевкахъ, и потому привыкли въ продолженіи дня удовлетворять свой голодъ по дорожному, хотя бы и находились на мѣстахъ стоянокъ. Кто захочетъ поѣсть или, вѣрнѣе, заморить голодъ, тотъ самъ угощается въ юртѣ, въ кладовой, гдѣ находится постоянный запасъ разной провизіи: кужи, айрана, кумысу, бузы и проч.

Киргискій аулъ оживаетъ только въ вечеру, когда скотъ пригоняется домой. Какъ только пригоняютъ барановъ, хозяйка съ дочерьми входитъ въ свои стада *и на глазъ опредѣляетъ*, весь ли скотъ дома. Ошибки въ этомъ случаѣ очень рѣдки. Затѣмъ начинаютъ доить овецъ, коровъ, козъ и проч. Сначала подпускаютъ къ маткамъ сосуновъ, для того чтобы они отсосали; послѣ этого, прячась за сосуновъ, идутъ сами киргизки съ кожанными подойниками и, быстро оттолкнувъ сосуна, принимаются за доенье. Но молока киргизы получаютъ мало. Даже коровы приносятъ имъ гораздо больше пользы, какъ рабочій и вьючной скотъ. Киргизъ не можетъ не ѣздить верхомъ, — это его привычка, потребность, какъ у осѣдлаго жителя — ходить пѣшкомъ. Поэтому бѣдные киргизы, за неимѣніемъ лошадей, очень часто кочуютъ на коровахъ, ѣздятъ верхомъ на нихъ и, кромѣ того, питаются ихъ молокомъ. Но при этомъ, разумѣется, самымъ полезнымъ и необходимымъ для кочевника животнымъ остается всетаки овца, которая его кормитъ, одѣваетъ и даетъ матеріалъ для жилища.

По уборкѣ скота, вся семья приступаетъ къ ужину, который состоитъ изъ той же «кужи», иногда съ небольшимъ количествомъ сала. Если при этомъ случится киргизу ѣсть мясо, то онъ тщательно обглаживаетъ каждую косточку, такъ что послѣ киргиза и собакѣ нечѣмъ поживиться. У богатыхъ киргизовъ подается чашка

съ мяснымъ бульономъ; ее подаютъ сначала старшему, и отъ него она обходитъ уже всю собравшуюся публику. Затѣмъ слѣдуютъ кумысъ и айранъ, и наконецъ читается *бата* — пожеланіе хозяину всего хорошаго.

Хотя ужинъ этимъ совершенно заканчивается, но долго еще видны огни чрезъ «тюдюки» и слышны говоръ и пѣсни изъ ауловъ. Во всѣхъ юртахъ ведутся разговоры, рассказываются сказки. Старики, посѣдѣвшіе въ барантахъ, вспоминаютъ о своей молодости и возбуждаютъ духъ дѣтей рассказами о своихъ подвигахъ. Тутъ же поются пѣсни и играютъ въ разные игры, преимущественно въ кости.

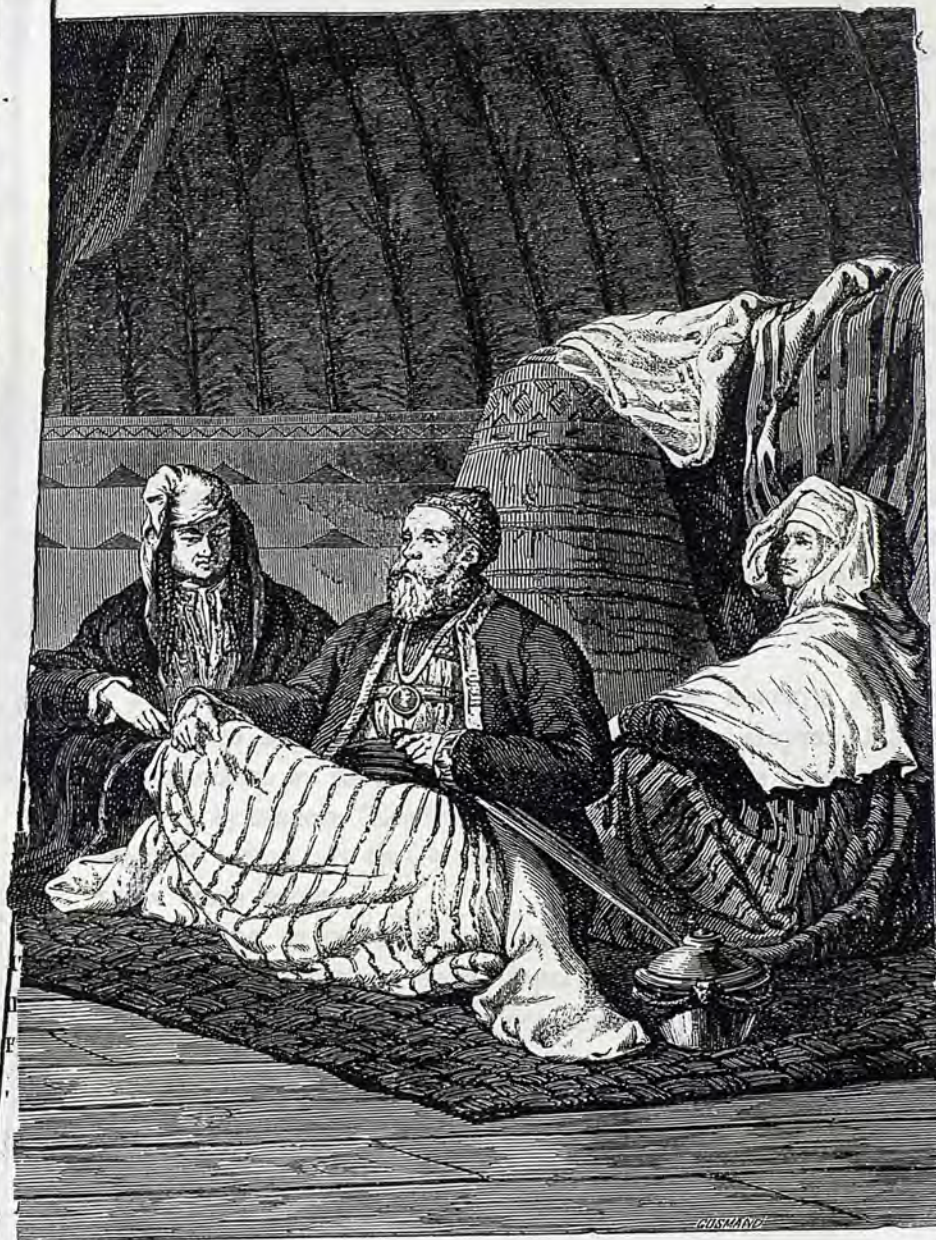
Ложатся спать около полуночи. Раньше, чѣмъ хозяйка ляжетъ, она обязана затушить огонь и закрыть тюдюку (дымовое отверстіе), чтобы нечистая сила не беспокоила обывателей.

Молодые джигиты уходятъ въ это время въ степь пасти табуны лошадей, которыя на ночь не пригоняются въ аулы. Скотъ же, собравшійся вокругъ юрты, оберегаютъ ночью дѣвушки, съ помощью собакъ. Киргизка до самой зари выкрикиваетъ пѣсни, чтобъ ими отпугивать отъ стада волковъ, и нужно имѣть большую привычку, чтобы заснуть подъ этотъ крикъ и пѣсни.

Такимъ образомъ, вся тяжесть ежедневныхъ работъ лежитъ у киргизовъ на женщинѣ, всегда грязной и еще болѣе неопрятной, чѣмъ ея мужъ. Киргизка съ дѣтства приучается ѣздить верхомъ на лошади и должна потомъ справлять всю свою жизнь за мужчину всѣ домашнія работы. Вьючить юрты, ставить ихъ, готовить кушанья, кормить дѣтей, доить скотъ и смотрѣть за нимъ, обшивать семью, — все это лежитъ на обязанностяхъ женщины. Киргизы-мужчины ничего недѣлаютъ. Только во время кочевокъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтнихъ, да пасутъ изрѣдка лошадей въ отгонныхъ табунахъ; все же остальное время проводятъ въ *гулянь* по степи. Проснувшійся мужъ потребуетъ ѣсть; поѣсть — садеть на лошадь, возьметъ ястреба или ружье, и отправится на охоту или поѣдетъ къ сосѣду въ

КИРГИЗСКИЙ СУЛТАН

ЕГО ЖЕНЫ И ПЬВЕЦЬ.

гости. А въ это время, жена, хотя бы и беременная, должна разобратъ юрту, навьючить ее на верблюдовъ, рассадить на вьюки дѣтей, и, прицѣпивъ животныхъ другъ къ другу, кочевать съ этимъ караваномъ на новое мѣсто, гдѣ опять ей же придется развьючить, поставить юрту и приготовить ѣсть проголодавшемуся мужу, который какъ разъ поспѣетъ домой къ тому времени, когда все готово. Переночевавъ, мужъ опять отправляется гулять по степи, въ надеждѣ натолкнуться на какое-нибудь развлеченіе, въ родѣ свадьбы, разбора дѣлъ бѣемъ, поминокъ, драки и т. под. На свадьбѣ онъ посмотритъ на игры, на судѣ онъ послушаетъ, на поминкахъ перепадетъ ему что-нибудь отъ угощеній, а въ дракѣ онъ приметъ чью-нибудь сторону. Или вспомнитъ онъ какое-нибудь старое дѣло съ товарищемъ, гдѣ послѣ баранты его обдѣлили, и отправится къ бѣю взыскивать недоданное. Однимъ словомъ, киргизъ найдетъ себѣ развлеченіе. Жена же его не можетъ оторваться отъ юрты; уйди она—и все хозяйство киргиза пропало.

Такая жизнь легла тяжелымъ бременемъ на женскую половину киргизскаго народа. Киргизка въ 25 лѣтъ уже старуха. Вообще, она занимаетъ въ жизни кочевниковъ гораздо низшее мѣсто въ сравненіи съ мужчиною. Жена ѣсть отдѣльно отъ мужа, который посылаетъ ей остатки съ своего стола. За убійство женщины «кунъ» платится вдвое менѣе.

Не смотря на это, киргизскія женщины не проводятъ жизни заперти, подобно прочимъ своимъ единовѣрцамъ. Киргизка пользуется полною свободой, не удаляется отъ мужчинъ и не закрываетъ себѣ лица. Цѣны заслуги и познанія женщинъ въ хозяйствѣ, мужчины предоставляютъ имъ главное распоряженіе въ домѣ и очень часто сами прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ. Вслѣдствіе этого, киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка дома, но и какъ членъ общества. На сходбахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особенности по вопро-

самъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мнѣніе женщинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество надъ мнѣніемъ мужчинъ.

Народныя празднества у киргизовъ, исключая религіозныхъ мусульманскихъ праздниковъ, всѣ имѣютъ основаніе свое въ пастушескомъ кочевомъ бытѣ и довольно многочисленны, такъ какъ у киргизовъ даже важные случаи изъ частной жизни богатаго кочевника празднуются всенародно, цѣлыми родами. Главныя изъ киргизскихъ народныхъ празднествъ справляются ранней весною, по случаю выступления съ зимовокъ на лѣтовки, и поздней осенью, когда киргизы рѣжутъ скотъ и заготавливаютъ мясо для домашняго обихода на зиму.

Въ день выступления съ зимовокъ на кочевки, съ восходомъ солнца, всѣ молодые люди аула, нарядившись въ праздничное платье, садятся на лучшихъ коней, выбираютъ молодую, красивѣйшую женщину и вручаютъ ей знамя, состоящее изъ шеста съ привязаннымъ къ нему цвѣтнымъ платкомъ. Женщина или дѣвушка слѣдуетъ съ этимъ знаменемъ верхомъ на лошади, впереди каравана, къ избранному мѣсту кочевки, въ сопровожденіи толпы юношей и дѣвицъ, при пѣсняхъ, скачкахъ и разныхъ играхъ. А за ними тянутся навьюченные верблюды съ юртами и пожитками, и гонятъ стада скота, разсыпаннаго по степнымъ равнинамъ. Достигнувъ мѣста первой лѣтовки, пожилыя киргизки начинаютъ устанавливать юрты, а молодежь снова принимается за скачки, бѣги, борьбу и прочія національныя киргизскія увеселенія, которыя будутъ описаны ниже. Дѣти, въ это время, ходятъ по юртамъ, поздравляя хозяевъ съ наступленіемъ весны, за что имъ даютъ кусочки курту, баранины и другихъ яствъ. Вообще праздникъ этотъ напоминаетъ татарскій «сабанъ».

Поздней осенью, когда киргизы уже возвратились на мѣста зимовокъ, они назначаютъ день, когда рѣжутъ скотъ и приступаютъ къ заготовленію мяса на зиму. Это обстоятельство сопровождается народнымъ празднествомъ, скачками, борьбой и прочими киргизскими увеселеніями. Каждый въ этотъ день зарѣжетъ хоть одного

барана. Бѣдныя, у которыхъ нѣтъ скота, пристроиваются къ богатымъ и всегда получаютъ отъ нихъ небольшія части мяса. Мясо, собранное въ этотъ день, обыкновенно солятъ, коптятъ, дѣлаютъ изъ него колбасы и проч. Все, заготовленное такимъ образомъ, носить названіе *суумъ*, часть котораго каждый долженъ отдать султану или манану. Каждый родъ отбываетъ эту повинность по раскладкѣ народамъ на кибитку. Во время лѣтнихъ перекочевокъ, султаны также получаютъ *шибану* (вареное мясо) со всѣхъ ауловъ, лежащихъ на пути ихъ перекочевокъ.

Народныя киргизскія празднества сопровождаютъ также, какъ уже было упомянуто выше, всѣ болѣе или менѣе важные случаи изъ частной жизни каждаго киргиза, начиная съ факта его рожденія и кончая похоронами и поминками.

Роды женщины у киргизовъ обставлены варварскими условіями. Киргизка работаетъ до самыхъ родовъ. Въ случаѣ же трудныхъ родовъ, киргизы бросаютъ въ огонь кусокъ бараньяго жира и, пока онъ горитъ, молятся Богу, чтобы онъ облегчилъ страданія роженицы. Если случается при этомъ обморокъ, то киргизы бьютъ палками сначала по кибиткѣ, гдѣ лежитъ больная, а потомъ ударяютъ нѣсколько разъ ее самою, чтобы выгнать изъ нея *албасты-басу* — злаго духа. Или выбираютъ для этого лошадь съ свѣтлыми глазами и приводятъ ее въ кибитку и наклоняютъ мордой къ больной, чтобы напугать этимъ злаго духа. Иногда прибѣгаютъ и къ мусульманскимъ амулеткамъ, т. е. исписаннымъ какойнибудь молитвой изъ корана бумажкамъ, которыя проглатываютъ вмѣстѣ съ водою. Во время самыхъ родовъ, роженицу привѣшиваютъ за мышки къ *тюдюку* (дымовому отверстію) для того, чтобы роды были легче. Всякая старуха считается при этомъ знающей акушеркой.

Если родится мальчикъ, то родители устраиваютъ праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь аулъ; праздникъ сопровождается, обыкновенно, скачками, борьбою и прочими киргизскими увеселеніями.

ми. Въ случаѣ же рожденія дѣвочки праздника не бываетъ, такъ какъ, по понятіемъ киргизовъ, дѣвочки не приносятъ счастья въ жизни. «Долго соль не береги, говоритъ киргизская пословица, — обратится въ воду; долго дочь не держи — обратится въ рабыню».

Имя новорожденному даетъ мулла. Прежде ребенокъ получалъ, обыкновенно, языческое имя своего родителя или какого нибудь близкаго родственника, прославившагося храбростью или наѣздничествомъ. Но въ послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться между киргизами имена мусульманскихъ святыхъ, благодаря усилившемуся вліянію мурлы.

Новорожденного киргизы купаютъ ежедневно въ соленой водѣ, послѣ чего каждый разъ натираютъ его масломъ или бараньимъ саломъ. Это дѣлается для того, чтобы окрѣпи суставы малютки. Особенно оберегаютъ его отъ дурнаго глаза, и каждая киргизка знаетъ множество средствъ противъ этого. По прошествіи 40 дней, рубашку, которую не снимали съ ребенка съ самаго дня его рожденія, снимаютъ и надѣваютъ на шею собаки для того, чтобы собака, съѣдая жирную, засаленную рубашку, приняла на себя и всѣ будущія болѣзни ребенка.

Не раньше, какъ чрезъ годъ по рожденіи, ребенку брѣютъ голову и обрѣзаютъ ногти. Когда ребенку минуло два-три года, его уже начинаютъ забавлять верховой ѣздой, устраивая для этого на сѣдлахъ удобные ящики, называемые «*културмарчи*» или «*ачамай*». Лѣтъ 7 или 12 мальчика обрѣзываютъ, послѣ чего устраивается праздникъ съ неизбѣжными скачками, борьбою и проч.

Невѣсть для своихъ сыновей киргизы высватываютъ въ то время, когда послѣдніе лежатъ еще въ люлькѣ. Вообще, для киргиза *выборъ свата* гораздо важнѣе, чѣмъ выборъ невѣсты. На ея лѣта и красоту не обращаютъ особеннаго вниманія, лишь бы сватъ былъ богатъ и хорошъ. При этомъ зажиточный киргизъ старается всегда породниться съ равнымъ себѣ по роду и знатности; напримѣръ, «бѣ-

лая кость» не женится на «черной». Выбравъ себѣ по сердцу киргиза, у котораго есть дочь, киргизъ, отецъ жениха, развѣдываетъ предварительно о его намѣреніяхъ и затѣмъ уже посылаетъ къ нему сватовъ. Чѣмъ богаче отецъ жениха, тѣмъ онъ больше долженъ послать этихъ сватовъ; иногда ихъ отправляется цѣлая свита, чловѣкъ изъ 10 или 15-ти.

Отецъ невѣсты принимаетъ ихъ съ нѣкоторой церемоніей, лѣтомъ — въ отдѣльной кибиткѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула, а зимою — въ юртѣ сосѣда, но никогда у себя дома. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется *кудатусеръ*. Сваты должны условиться съ отцомъ невѣсты о калымѣ.

«Калымъ» (выкупъ жениха за невѣсту) сохранился въ киргизскихъ степяхъ въ первобытномъ видѣ. Цѣна его основана на «кунѣ», на платѣ за убійство женщины.

При заключеніи условія о «калымѣ», лошади очень часто замѣняются баранами и тогда каждая лошадь считается за 6 барановъ. Самое условіе скрѣпляется *батой* (молитвой), т. е. всѣ присутствующіе проводятъ руками по лицу. Иногда «бату» прочитываетъ приглашаемый на этотъ случай мулла.

По заключеніи условія о калымѣ, отецъ невѣсты устраиваетъ для сватовъ праздникъ съ необходимыми скачками, бѣгами и прочими играми, на которыя сходятся его знакомые и родственники, а преимущественно женщины и дѣвушки, каждая съ своими запасами провизіи.

Черезъ нѣсколько времени по приглашенію особыхъ *кудача-кручи* (сватовъ приглашателей), отправляются къ отцу жениха сваты со стороны отца невѣсты за полученіемъ части условленнаго калыма. Въ день пріѣзда этихъ сватовъ отецъ жениха устраиваетъ имъ праздникъ, но не такой шумный, какъ въ аулѣ отца невѣсты, потому что, какъ говорятъ киргизы, — «невѣста еще у отца». По-

дарки со стороны отца жениха бывают также не очень богаты, такъ какъ ему приходится еще уплачивать часть калама.

Чаще всего случается, что въ этотъ прїѣздъ сватовъ уплата калыма совсѣмъ не производится, такъ какъ отецъ жениха, основываясь на киргизской пословицѣ: «все, что получаешь, есть богатство, а все, что отдаешь, есть несчастіе» и ссылаясь на разныя неблагопрїятныя примѣты, отдѣлывается только тѣмъ, что отдариваетъ сватовъ за подарки его сватамъ.

Обмѣнявшись, такимъ образомъ, подарками, родители спокойно ждутъ, когда ихъ дѣти достигнутъ совершеннолѣтія, т. е. 12—15 лѣтнаго возраста. Въ слѣдующую затѣмъ весну, женихъ, въ сопровожденіи человѣкъ 4 или 5 своихъ сверстниковъ, ѣдетъ въ аулъ невѣсты. Онъ везетъ за собою часть калыма и подарки.

Не доѣзжая до аула, гдѣ живетъ его невѣста, женихъ, по крайней мѣрѣ, за четверть версты сходитъ съ лошади, которую и отправляетъ съ товарищами въ аулъ, самъ же остается въ степи. Товарищи его, объявивъ въ аулѣ о прїѣздѣ жениха, передаютъ лошадь дѣвушкѣ, родной сестрѣ невѣсты или близкой ея родственницѣ, которая впослѣдствіи получаетъ за это подарокъ отъ жениха, называемый *атъ-байларъ*, т. е. за привязку лошади.

Узнавъ о прїѣздѣ жениха, женщины и дѣвушки аула, исключая близкихъ родственницъ невѣсты, выѣзжаютъ верхами встрѣчать жениха, захвативъ съ собою съѣстные припасы.

Между тѣмъ, въ аулѣ невѣсты, на значительномъ разстояніи отъ ея юрты, ставятъ для жениха отдѣльный «*кошъ*», т. е. небольшую походную кибитку. Женщины приводятъ сюда жениха уже послѣ заката солнца, такъ какъ въ аулѣ невѣсты онъ не можетъ показываться днемъ. По понятіямъ киргизовъ, молодой человѣкъ долженъ совѣститься того, что онъ женихъ. Войдя въ свою кибитку, женихъ дѣлаетъ женщинамъ новые подарки — *чатыръ-байгазы*, за приготовленіе кибитки. Въ тотъ же вечеръ онъ посылаетъ отцу невѣсты

за воспитаніе дочери, лучшую изъ своихъ лошадей, а матери, за вскормленіе неvěсты, лучшаго верблюда — *сумъ-аки* (плата за молоко).

Первый входъ жениха въ кибитку неvěсты называется *исыкъ-ачу* — «открыть двери». Войдя въ кибитку, женихъ дѣлаетъ три раза «тажимъ» (поклонъ): первый — умершимъ праотцамъ неvěсты, второй — главѣ дома, третій — матери неvěсты. Затѣмъ женихъ садится у двери, не доходя до очага, подлѣ котораго помѣщается мать неvěсты; она спрашиваетъ у жениха о состояніи его «скота и души», потомъ даетъ ему молока и, съ словами: «дѣти играйте и веселитесь», уходитъ въ свое отдѣленіе за сундуки и тюки. Войдя занавѣсь къ своей неvěстѣ, женихъ здоровается съ нею, говоря *исенъ-сычъ* — «здорова-ли?». Невѣста нѣкоторое время должна молчать, чтобы дать случай женщинѣ, находящейся при ней, получить отъ жениха подарокъ, называемый *суйлестру*, т. е. за принужденіе къ отвѣту. Вслѣдъ за тѣмъ другая женщина получаетъ отъ него подарокъ *тисенъ-саму*, т. е. за приготовленіе постели. Послѣ этого жениха и неvěсту оставляютъ въ покоѣ.

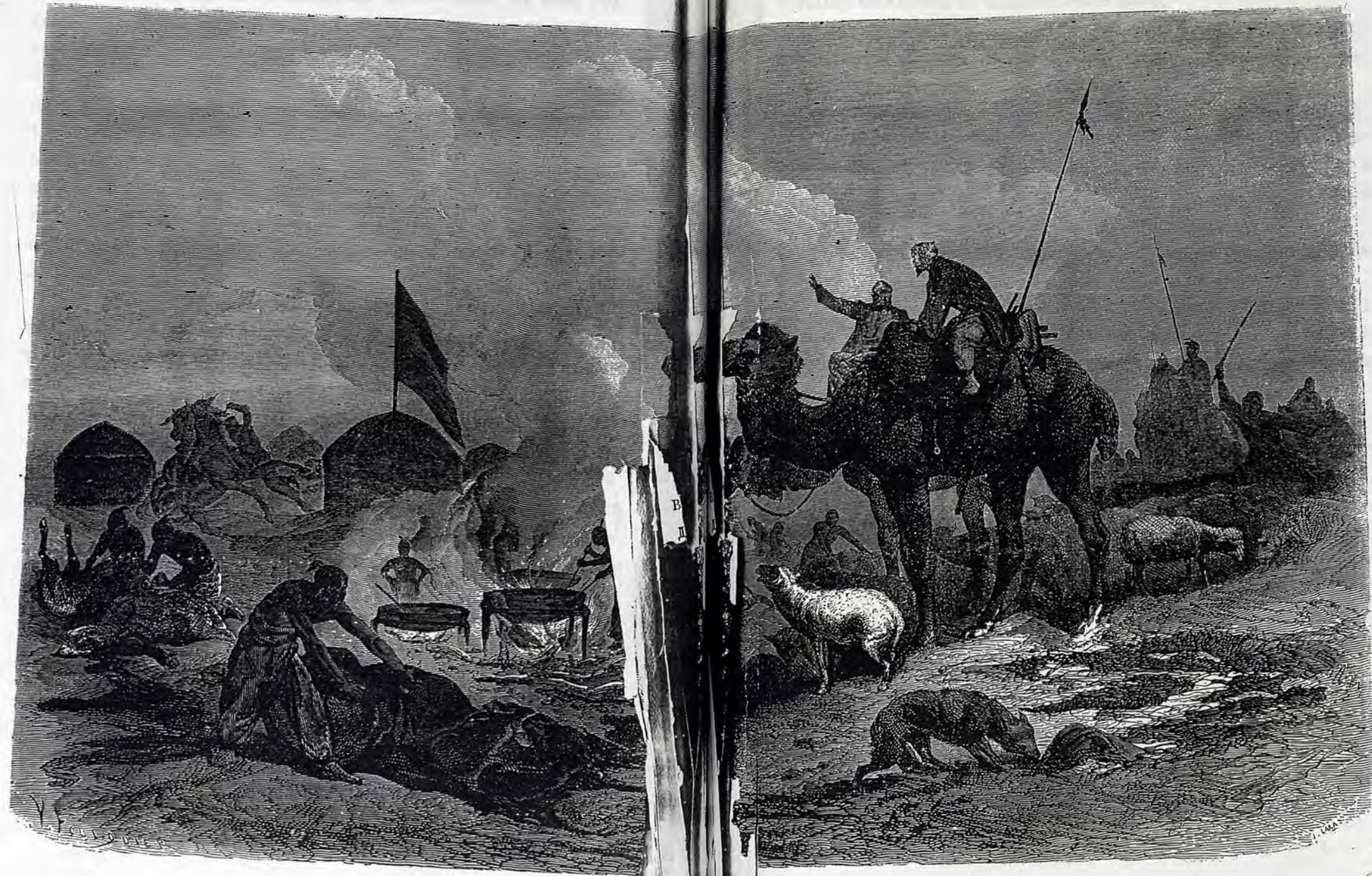
На слѣдующій день женихъ потихоньку уходитъ изъ юрты неvěсты въ свою палатку, но немного спустя, женщины опять приводятъ его въ юрту неvěсты, и такъ продолжается 7 дней.

Возвратившись послѣ этого въ аулъ своего отца, женихъ, чрезъ нѣсколько времени, опять ѣдетъ съ товарищами къ своему будущему тестю за окончательнымъ полученіемъ неvěсты. На этотъ разъ, кромѣ условленной части калыма, женихъ везетъ съ собою кошмы для юрты, лошадь для угощенія и два верблюда: *бикъ-якши* и *якъ-якши*, т. е. по верблуду въ голову поѣзда съ приданнымъ неvěсты и въ заключеніе его. Однако, и въ этотъ пріѣздъ жениху не скоро удастся получить неvěсту. Чтобы подольше попировать на его счетъ, свадьбу откладываютъ со дня на день, отговариваясь неготовностью приданаго. Иногда приходится жениху отдаться своимъ

карманомъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ послѣдній день предъ выдачей невѣсты, назначается свадебный пиръ — *той*. Въ немъ принимаютъ участіе родственники и знакомые жениха и невѣсты. Празднество сопровождается угощеніемъ, пѣснями, скачками, борьбой и прочими увеселеніями. Для пѣсенъ дѣвушки усаживаются полукругомъ, а противъ нихъ становятся джигиты, выбирая каждый ту, которая ему нравится. Сначала поетъ мужчина, восхваляя въ импровизаціи свою возлюбленную. Ему отвѣчаетъ дѣвушка, также импровизируя. Когда одна пара кончитъ, начинается пѣть другая. Гости расходятся поздно ночью. Въ этотъ вечеръ, на невѣсту, вмѣсто обычной фески, надѣваютъ женскій головной уборъ — «джавлукъ».

На утро молодые уѣзжаютъ въ аулъ отца жениха. Ихъ провожаютъ мать и братъ невѣсты. При этомъ невѣста везетъ съ собою приданое, размѣры котораго зависятъ или отъ особаго уговора съ отцемъ жениха, или соотвѣтствуютъ цѣнности калыма, но всегда, впрочемъ, бываютъ меньше послѣдняго.

Пока молодые ѣдутъ съ приданнымъ, отецъ жениха выставляетъ въ своемъ аулѣ богато убранную юрту и готовится встрѣчать гостей. Молодая, войдя въ юрту, беретъ кусокъ сала и бросаетъ въ огонь, чтобы онъ ярче горѣлъ; затѣмъ все усаживаются, кромѣ отца жениха, который не долженъ входить въ юрту молодыхъ. Сама молодая помѣщается за занавѣской и принимаетъ отъ родственниковъ и знакомыхъ жениха подарки и сама ихъ отдариваетъ. Послѣ этого гостямъ подаютъ «достарханъ», угощеніе изъ разныхъ сладостей. У дверей юрты рѣжутъ, въ это время, барапа, голову котораго вносятъ въ юрту и выбрасываютъ чрезъ «тюндюкъ» (дымовое отверстіе), чтобы дымъ хорошо выходилъ. Въ заключеніе начинается пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе родственники и одноаульцы жениха. Празднество сопровождается неизбѣжными скачками, борьбой, бѣгами

и проч., и продолжается иногда три дня, послѣ чего молодой окончательно поселяется въ кибиткѣ своей жены.

Религіозная сторона погребенія у киргизовъ общая для всѣхъ мусульманъ и обусловливается законамъ ислама. Обычная же сторона киргизскихъ похоронъ имѣетъ свои церемоніи.

Какъ только умеръ киргизъ, всѣ родственники выходятъ изъ кибитки и поселяются въ отдѣльной юртѣ. О смерти киргиза извѣщаютъ по всѣмъ сосѣднимъ ауламъ чрезъ нарочныхъ гонцовъ, и всякій обязанъ пріѣхать въ аулъ, гдѣ жилъ умершій, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Для этого въ аулѣ умершаго выставляется особая юрта, куда и кладутъ тѣло покойнаго, предварительно обмывъ его и завернувъ въ бѣлую бязь.

Жены умершаго собираются въ сосѣднюю юрту; онѣ надѣваютъ особый головной уборъ съ чернымъ покрываломъ, обозначающимъ трауръ, и садятся спиной ко входу въ юрту. Тутъ начинается вой со всевозможными причитаньями. Въ знакъ особой печали, вдовы царапаютъ себѣ щеки до крови, что дѣлается очень ловко и безъ малѣйшей жалости къ своей собственной особѣ. Женамъ умершаго помогаютъ въ причитаньяхъ прибывшія женщины съ дѣтьми. Каждая, ни съ кѣмъ не здороваясь, спокойно входитъ въ юрту и тотчасъ присоединяется къ общему вою. Въ то время, когда женщины, въ юртѣ вдовъ, плачутъ и рвутъ себѣ щеки, всѣ прибывшіе мужчины заходятъ въ кибитку, гдѣ лежитъ умершій, и, совершивъ надъ его тѣломъ молитву, молча собираются также въ особую юртѣ. Когда гости собрались и все уже готово къ погребенію, тѣло умершаго кладутъ на чистую кошму и въ сопровожденіи муллы, родственниковъ и знакомыхъ несутъ къ могилѣ. Въ аулѣ остаются только женщины.

Хоронятъ покойниковъ по близости воды, на дорогахъ, для того, чтобы пріятели, родные и почитатели могли чаще имѣть случай исполнить молитву надъ умершимъ. Самое погребеніе совершается по мусульманскому закону. Но въ то время, когда начнутъ зарывать

тѣло умершаго, родственники его, по киргизскому обычаю, принимаются рвать на небольшіе куски заранѣе заготовленные матеріи такъ, чтобы всѣмъ хватило по куску. Какъ только могила зарыта, всѣ садятся вокругъ ея и читаютъ бату, по окончаніи которой сидятъ нѣкоторое время спокойно, въ ожиданіи *джартымыз* — (раздачи кусковъ). Вслѣдъ затѣмъ каждый получаетъ, сообразно его званію и состоянію, извѣстный кусокъ матеріи. Надъ могилой, послѣ этого, ставятъ памятникъ. Бѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженого кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты. Съ могилы всѣ ѣдутъ обратно въ аулъ умершаго, гдѣ происходитъ угощеніе. Женщины угощаются отдѣльно; вдовы же не имѣютъ права не только ѣсть, но даже и угощать другихъ, и ѣдятъ только ночью.

Но главная почесть покойнику отдается въ самый большой киргизскій праздникъ, въ день *аша* — тризны, которая справляется ровно черезъ годъ постѣ смерти.

Все время между смертію и «ашемъ», киргизы употребляютъ на разныя приготовленія къ тризнѣ. Прежде всего, со дня смерти покойнаго, на кибиткѣ его выставляется бѣлый флагъ, если умершій былъ мужчина, и черный, если — женщина, и этотъ флагъ не снимается въ продолженіи всего года. Затѣмъ, всѣмъ любимымъ лошадямъ покойнаго подрѣзываютъ хвосты и пускаютъ на цѣлый годъ въ пастбище, предназначая ихъ на закланіе въ день «аша».

Весь этотъ годъ, до самаго дня «аша», жены покойнаго обязаны поддерживать свои щеки въ окровавленномъ видѣ. Онѣ должны также аккуратно начинать и оканчивать каждый день, въ продолженіи всего года, воемъ и причитаніемъ, въ чемъ имъ всегда находятся усердныя помощницы. Плачь этотъ имѣетъ характеристическій напѣвъ, такъ что, слыша его, всегда узнаешь, гдѣ живетъ вдова.

Особенно заботятся киргизы объ угощеніи въ день аша.хлопоты

объ этомъ продолжаются цѣлый годъ, такъ какъ тризна обходится очень дорого и приготовленія къ ней весьма сложны. Хорошій «ашъ» стоитъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей, и на него собирается до 15 тысячъ народа! Чтобы принять, увеселить, а главное — накормить мясомъ всю эту толпу, въ особенности съ такимъ желудкомъ, какъ у киргизовъ, нужно употребить для этого не мало хлопотъ и заручиться огромными средствами. Между тѣмъ тризна неизбѣжна. Ею опредѣляется слава умершаго и уваженіе къ нему. О большихъ ашахъ говорятъ нѣсколько лѣтъ, слагаютъ про нихъ пѣсни и вообще прославляютъ умершаго и его родственниковъ. Какъ же уклониться отъ подобной чести, хотя бы и пришлось послѣ этого раззориться? Къ счастью киргизовъ, тризна у нихъ составляетъ, если не національное торжество, то, во всякомъ случаѣ, *родовое празднество*. Поэтому, въ издержкахъ и приготовленіяхъ къ киргизскому ашу принимаетъ участіе, обыкновенно, весь родъ покойнаго. Каждый родовичъ обязанъ хоть разъ въ годъ посѣтить юрту умершаго для совершенія баты, а главное, долженъ привезти съ собой подарокъ, сообразный съ достоинствомъ умершаго. Не пріѣхать — значитъ нанести кровную обиду всему роду. До исполненія киргизомъ этого обычая, никто изъ родственниковъ покойнаго не можетъ посѣщать его. Если какая нибудь крайность помѣшаетъ быть на батѣ самому, то онъ долженъ послать для этого другаго киргиза и передать черезъ него подарокъ.

Подѣзжая къ аулу умершаго, исправный киргизъ посылаетъ кого-нибудь впередъ извѣстить семейство умершаго, что онъ пріѣхалъ прочесть бату. Одинъ изъ семейства выходитъ встрѣчать пріѣзжаго, а женщины, пріодѣвшись, садятся въ юртѣ, по обѣимъ сторонамъ входа, и начинаютъ плачь, продолжая его до тѣхъ поръ, пока гость не исполнитъ баты и не уговоритъ ихъ замолчать. Послѣ этого, онъ вручаетъ семейству подарокъ, халатъ, кусокъ матеріи, лошадь, корову, верблюда, или барана и т. под. Все это собирается и хранится отдѣльно и должно быть употреблено на предстоящій ашъ.

За мѣсяцъ или за два до аша, родственники умершаго разсылаютъ приглашеніе родамъ, непременно чрезъ ихъ вождей, принять участіе въ тризнѣ. Въ тоже время приступаютъ къ выбору мѣста для сбора гостей, сортируютъ скотъ для угощенія и для разныхъ призовъ, опредѣляютъ заранее роль каждаго отдѣла и подъ-отдѣленія въ родѣ, а также мѣру и характеръ участія ихъ въ расходахъ на тризну. Затѣмъ приступаютъ къ устройству самаго праздника. На мѣстѣ, избранномъ для отправленія аша, ставятъ почетнымъ гостямъ отдѣльныя юрты, число которыхъ доходитъ иногда до 1000. Остальные же гости должны размѣститься въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ. При этомъ, для порядка, заранее опредѣляютъ: какіе отдѣлы и подъ-отдѣленія какихъ гостей принимаютъ, такъ что уже каждый заранее знаетъ свое мѣсто.

Всѣ юрты размѣщаются по огромному кругу. Въ серединѣ ставятъ палатку, гдѣ каждый изъ гостей, въ теченіи аша, обязанъ причитать бату по умершемъ. Невдалекѣ отъ этой палатки, ставятъ другую большую юрту, надъ которой выставляютъ флагъ умершаго и въ которой помѣщается старшая жена покойнаго, съ ея дѣтьми. Она должна быть и причитать здѣсь и утромъ, и вечеромъ. По другую сторону молитвенной палатки ставится юрта безъ знамени, для младшихъ женъ покойнаго. Въ обѣихъ этихъ юртахъ поселяются также родственницы женъ, размѣщаясь по родству съ ними. Обыкновенно, обѣ юрты раздѣляются на двѣ половины: открытая предназначена для вдовъ и старыхъ женщинъ, а молодыя и дѣвушки помѣщаются за перегородкой. Женщины живутъ въ этихъ юртахъ во все время аша, занимаются разговорами и помогаютъ вдовамъ причитывать и плакать, когда тѣ устанутъ. Если у умершаго есть взрослая дочь, то она поетъ пѣсню, рассказывая въ ней болѣе замѣчательные случаи изъ жизни умершаго. Мужчины размѣщаются по юртамъ почетныхъ гостей и по кибиткамъ прикочевавшихъ киргизовъ, группируясь по родамъ, отдѣламъ и подъ-отдѣленіямъ.

Праздникъ аша продолжается семь дней.

Первые шесть дней, всѣ помѣстившіеся не въ палаткахъ почетныхъ гостей, а въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ, питаются чѣмъ Богъ послалъ. Почетнымъ же гостямъ отпускаютъ для ежедневнаго продовольствія на каждую юрту по два барана въ день. Больше почетнымъ присылаютъ, кромѣ того, рису, чаю, орѣховъ, кумысу и проч., одѣляютъ ихъ также кониной, такъ какъ это мясо считается лакомствомъ. Въ послѣдній же день аша, въ счетъ собранныхъ подарковъ продовольствуется уже весь народъ, т. е. не только живущіе въ выставленныхъ юртахъ, но и тѣ, которые живутъ по кибиткамъ прикочевавшихъ ауловъ. Для прокормленія ихъ заготавливаютъ варенное мясо еще до наступленія аша; варятъ мясо въ теченіи нѣсколькихъ дней. Обыкновенно приходится рѣзать 20 — 30 лошадей и до 1000 барановъ. Заготовленное такимъ образомъ мясо сохраняется до седьмого дня аша и роздается наканунѣ, вечеромъ шестаго дня.

Кромѣ угощенія, во время аша каждый день бываютъ кабія-нибудь игры, состязанія, скачки, и, наконецъ, въ утро послѣдняго, седьмого дня, ашъ завершается большой скачкой-*байгой*, которая собственно и составляетъ славу тризны. Состязанія, въ теченіи аша, идутъ въ такомъ порядкѣ:

Первый день, обыкновенно, проходитъ въ сборѣ, и размѣщеніи гостей.

Во второй день назначается стрѣльба въ ямбу, китайскую монету. Ямба привязывается за три нитки къ верхушкѣ трехъ-саженной мачты. Всадники должны сбить ямбу пулею или стрѣлою на полномъ скаку. Сбившій ямбу, получаетъ ее въ призъ себѣ, при восклицаніяхъ народа.

На третій день устраивается скачка трехъ-лѣтнихъ лошадей (*кунаковъ*). Скачутъ дѣти на разстояніи 20-30 верстъ. Призовъ составляется 9, большею частію мелкихъ; первый призъ состоитъ,

обыкновенно, изъ верблюдовъ; послѣдній—изъ двухгодовалого жеребенка. Въ тотъ же день устраивается *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкою. Молодые дѣвушки и молодые джигиты собираются группами верхомъ на коняхъ. Одна изъ лучшихъ наѣздницъ выскакиваетъ и мчится впередъ; за нею гонится избранный товарищами лучший джигитъ. Если онъ успѣетъ догнать красавицу, то цѣлуетъ ее, усаживаетъ къ себѣ на лошадь и тихимъ шагомъ возвращается съ нею обратно, при общихъ восторженныхъ привѣтствіяхъ. Если же погоня его не удалась, то дѣвушка, доскакавъ до барьера, быстро поворачиваетъ назадъ, и тогда лихой джигитъ долженъ, въ свою очередь, поскорѣе спастись отъ нея; ловкая наѣздница, догоняя джигита, что есть силы бьетъ его нагайкой, и иногда, при общемъ восторгѣ присутствующихъ, сбиваетъ ему шапку. Послѣ этого, проваливагося джигита прогоняютъ съ поля состязанія нагайками.

Въ четвертый день происходитъ *союиъ*—поединобъ на пикахъ. Для поединка выбираются два ловкіе джигита, непременно изъ различныхъ родовъ и неродственники между собою. Соперники надѣваютъ на себя кольчугу, нѣсколько халатовъ, голову обвязываютъ платками, и, такъ какъ побѣда доставляетъ славу всему роду побѣдителя, то имъ даютъ самыхъ лучшихъ лошадей. Бойцы вооружаются длинными шестами съ тупымъ концомъ. Народъ размѣщается вокругъ, оставляя арену для бойцовъ, которые выѣзжаютъ на нее съ противоположныхъ сторонъ. Цѣль поединка — выбить противника изъ сѣдла; но такъ какъ киргизы всѣ отличные наѣздники, то дѣло это трудное. Поэтому, соперники наравятъ или убить одного другаго, или нанести противнику такой ударъ въ бокъ или лицо, чтобы ему уже нельзя было драться. Если же при этомъ у одного изъ бойцовъ выбьютъ глазъ, то это ничего, дозволяется перевязать глазъ и, если боецъ желаетъ, можетъ снова вступить въ бой. Отказъ въ этомъ равносильно поражению. Ярость и азартъ бойцовъ въ поединкѣ на пикахъ всецѣло сообщаются зрителямъ, страсти родовъ разгораются,

и тутъ достаточно малѣйшаго повода, чтобы вызвать всеобщую свалку въ народѣ. Побѣжденнымъ въ поединкѣ считается только убитый или выбитый изъ сѣдла. Призомъ за такую битву служить 1 верблюдъ и 8 лошадей, но большею частію 2 или 3 верблюда. Въ тотъ же день происходитъ иногда борьба киргизскихъ батырей. Два силача выходятъ въ однихъ шароварахъ, перетянутыхъ кушаками, и измѣривши другъ друга глазами, схватываются. Иногда одинъ удачный пріемъ рѣшаетъ борьбу. Но нерѣдко силы у обоихъ равныя. Поэтому борцы долго ходятъ, перегибая одинъ другаго. Между тѣмъ толпа подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ, гиканьемъ. Тогда-какойнибудь изъ борцовъ, уловивъ удобную минуту, отбрасываетъ противника въ сторону, или, приподнявъ, осадить такъ крѣпко, что заставить его упасть. Иногда побѣжденный и послѣ этого не сдается, и тогда оба противника валяются по землѣ, покуда который нибудь не осилить.

Въ пятый день происходитъ скачка четырехъ-лѣтнихъ лошадей. Призы небольшіе. Разстояніе до 50 верстъ въ оба конца. Въ тотъ же день повторяется иногда *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкой.

Шестой день весь проходитъ въ приготовленіяхъ къ большой скачкѣ—«байгъ», и въ назначеніи призовъ, число которыхъ бываетъ обыкновенно 15. Вечеромъ, какъ уже было упомянуто, роздаютъ вареное мясо народу.

Седьмой день составляетъ сущность аша и обходится дороже всѣхъ дней. Въ этотъ день призы назначаются огромные. Иногда одинъ первый призъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: краснаго товару на 100 рублей, 30 верблюдовъ, 100 лошадей, 30 коровъ и 500 барановъ. Нерѣдко для перваго приза выставляется цѣлая юрта, убранная коврами и шелковыми тканями, и при ней 500 буніцъ и 300 лошадей. Бываютъ и такія байги, на которыхъ первый призъ состоитъ изъ 100 верблюдовъ, 100 лошадей, 100 коровъ, 100 барановъ, 100 рублей, 100 кокановъ, 100 аршинъ сукна, 100 ар-

шинъ шаи (канауса) и 100 концовъ маты. Слѣдующіе призы изъ числа 15 значительно меньше. Послѣдній призъ составляютъ 2 или 3 лошади. Такая непомѣрная разни́ца между первымъ и прочими призами заставляетъ всѣхъ бить на первенство и прибѣгать съ этой цѣлью ко всевозможнымъ уловкамъ.

Киргизы готовятъ лошадей къ байгѣ 3 и 4 мѣсяца. Все это время ихъ поятъ лошадинымъ молокомъ, кормятъ только овсомъ, туго стягиваютъ животъ, окутываютъ теплой войлочной попоной, чтобы возбудить испарину, и ежедневно, утромъ и вечеромъ дѣлаютъ имъ проѣздки. Для этого мальчи́ки лѣтъ 9—10 скачутъ на нихъ, съ каждымъ днемъ увеличивая разстояніе. Эти же мальчи́ки участвуютъ потомъ и въ самой байгѣ, въ качествѣ наѣздниковъ. Имъ кладутъ, вмѣсто сѣдла, однѣ попоны, и чтобы мальчи́къ могъ вынести весь карьеръ, его перетягиваютъ кушакомъ крестообразно.

Во избѣжаніе путаницы при раздачѣ призовъ, разстояніе назначаютъ огромное, отъ 80—100 верстъ въ оба конца. При этотъ скачка происходитъ не по кругу, а въ прямомъ направленіи, по степной дорогѣ. Число участвующихъ скакуновъ всегда произвольно.

Скачка верхъ наслажденія для киргиза! Онъ смотритъ на нее съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Хозяину также лестно отличиться скакуномъ. Молва о хорошей лошади разносится далеко по степи. Да и по самому свойству киргизскаго быта, бѣгунцы имѣютъ у нихъ важное значеніе и нерѣдко выручаютъ киргиза изъ опасности, спасая ему жизнь. Поэтому понятно то лихорадочное нетерпѣніе, съ какимъ всѣ киргизы ждутъ байги.

Въ назначенный часъ, завѣдующій байгой — «гайдавши», имѣющій при себѣ на всякій случай нѣсколько перемѣнныхъ лошадей и наблюдающій за правильностью скачки, подаетъ сигналъ сбора, разѣзжая передъ зрителями и трубя въ «сурну», деревянную трубу съ рѣзкимъ, невыносимымъ звукомъ. Когда наѣздники собрались, они проѣзжаютъ разъ или два передъ зрителями, которые любятъ

ся скакунами и предсказываютъ имъ успѣхъ или неуспѣхъ, но при этомъ пари никогда не держатъ. Затѣмъ по знаку «тайдавши», всѣ бѣгунцы крупной рысью отправляются до заранѣе выбраннаго мѣста, съ котораго долженъ начаться бѣгъ. Мѣсто это назначается въ разстояніи 40 — 50 верстъ, такъ что лошадямъ приходится пробѣжать въ одинъ пріемъ, туда и обратно, отъ 80 — 100 верстъ! Достигнувъ назначеннаго мѣста «гайдавши» устанавливаетъ бѣгунцовъ рядомъ и наблюдаетъ, чтобы не выѣхалъ кто-нибудь впередъ; затѣмъ пускаютъ всѣхъ бѣгунцовъ разомъ...

Едва только завидитъ толпа мчащихся всадниковъ, какъ приходитъ просто въ изступленіе! Крики или, лучше сказать ревъ оглушительный наполняетъ воздухъ и разносится далеко по степи!

Но при всей замѣчательной выносливости и неутомимости киргизскихъ лошадей, только немногіе скакуны могутъ выдержать эту необычайно дикую скачку на такомъ огромномъ разстояніи. Большая часть лошадей гибнетъ, не проскакавъ и половины разстоянія до флага. А если которыя и приходятъ, то лучшія только легкой рысью, а прочія — шагомъ. Случается, что наѣздники идутъ пѣшкомъ и погоняютъ лошадь, лишь бы она добрела до цѣли... Можетъ быть ни одна лошадь и не доскакала бы до нея, если бы, по киргизскому обыкновенію, имъ не помогли и не дотанчили до флага. Чтобы выиграть первый призъ, киргизы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, даже къ насилію. Особенно популярнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ считается *кутерма*. Человѣкъ 20 родственниковъ хозяина лошади выѣзжаютъ верхомъ на встрѣчу ей, верстъ за 20 — 30 отъ флага, и, выждавъ своего протезе, на всемъ скаку снимаютъ съ него мальчика, чтобы облегчить лошадь; затѣмъ человѣкъ пять подхватываетъ ее за *чумбуры* (арканы), и, скача впереди, тянутъ ее за собою, а остальные родственники, слѣдуя съ боку, поощадаютъ лошадь впередъ крикомъ, визгомъ и нагайками. Такимъ образомъ, въ скачкѣ, мало по малу, принимаетъ участіе почти весь

собравшійся народъ; одни скачутъ, чтобы помочь лошади дотащить-ся до мѣста, другіе это дѣлаютъ изъ любопытства, и какъ тѣ, такъ и другіе сопровождаютъ скачку пронзительнымъ крикомъ, визгомъ, гиканьемъ, гамомъ...

Если впереди скачетъ одна лошадь, безъ этихъ провожатыхъ, то ее, не стѣсняясь, останавливаютъ, мальчика сбиваютъ, а иногда даже убиваютъ.... Однимъ словомъ, принимаются всѣ мѣры, законныя и незаконныя, чтобы только выиграть первый призъ! За то многія изъ доскакавшихъ до флага лошадей падаютъ тутъ же, другія едва волочатъ ноги... По обычаю, существовавшему до занятія края русскими, было принято давать призъ, даже если лошадь сама и не дошла до флага, а привезли ее голову...

Этой скачкой завершается ашъ, и гости уже прямо ѣдутъ по домамъ, не заѣзжая въ юрты. Случается, что наслѣдники покойнаго, воздавъ ему честь, возвращаются домой нищими.

Музыка киргизовъ почти вся заключается въ «сурнѣ», деревянной трубѣ, имѣющей величину и форму кларнета, въ узкій конецъ которой вставляется гусиное перо. Этотъ инструментъ, издающій пронзительный звукъ, употребляется по большей части въ дорогѣ; кромѣ того есть струнный инструментъ, въ родѣ нашей балалайки. На войнѣ и барантѣ «сурна» замѣняетъ сигнальный рожокъ. Богатые киргизы непременно имѣютъ каждый своего *сурнчаи*, который разгоняетъ ихъ думы, наигрывая пѣсни о славныхъ подвигахъ ихъ самихъ и ихъ предковъ.

Пѣсни киргизскія, распѣваемые чрезвычайно монотоннымъ и то-скливымъ голосомъ, состоятъ обыкновенно изъ импровизацій, въ которыхъ рассказывается о подвигахъ батырей, о взаимныхъ распряхъ киргизскихъ племенъ и родовъ, о свободѣ, о завоеваніяхъ русскихъ и т. под.